

18+

Григорий Луговский

РЕВОЛЮЦИЯ ДЛЯ СВОИХ

Постиндустриальная
Утопия

Человеческое
Культурное
Политическое
Экономическое
Будущее

Григорий Луговский

**Революция для своих.
Постиндустриальная Утопия**

«Издательские решения»

Луговский Г.

Революция для своих. Постиндустриальная Утопия /
Г. Луговский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988529-6

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** В
книге предлагаются к рассмотрению вопросы происхождения сознания,
культуры, государства и других социальных явлений сквозь призму влияния
на эти процессы разных человеческих психотипов. По мнению автора,
разумная организация общества в будущем возможна, только если каждый
сможет лучше познать себя и найти «своих». Поможет в этом соцсеть нового
типа, которая будет способствовать развитию нашей субъектности во всех
сферах человеческого — культуре, экономике и политике. Организация "Meta
Inc." запрещена на территории РФ.

ISBN 978-5-44-988529-6

© Луговский Г.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть 1. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ	7
1.1 Проблема сути человека	7
1.2. Субъект, сознание и свобода воли	11
1.2.1.Субъектность	12
1.2.1.1. Субъект – носитель свободы	12
1.2.1.2. Субъект и социальность	13
1.2.1.3. Субъект или объект? Иерархия субъектностей	14
1.2.2. Сознание	16
1.2.2.1. Совесть и разум	16
1.2.2.2. ИСС и развитое сознание	17
1.2.2.3. Душа и дух	18
1.2.2.4. «Удвоение мира»	19
1.2.2.5. Личная философия	20
1.2.2.6. Память и «сцена сознания»	22
1.2.2.7. Сознание и переживания	23
1.2.2.8. Психоделический характер сознания	24
1.2.2.9. Психоделическая теория происхождения сознания	27
1.2.2.10. Эволюция и сознание	28
1.2.3. Проблема свободы воли	30
1.2.3.1. Воля – трансцендентное и рациональное	31
1.2.3.2. Относительность свободы воли	33
1.2.3.3. Знание и осознание	34
1.3. Два плюс три. Человек в философии XX века	37
1.3.1. Два направления. Люди Возрождения и люди Просвещения	37
1.3.2. Три течения. Аристократизм, экзистенциализм и гуманизм	39
Часть 2. КУЛЬТУРНОЕ	44
2.1. Игра с сакральным	44
2.2.Культура и аффекты	47
2.2.1. Многоликая эмпатия	47
2.2.2. Страх	48
2.2.3. Смех	49
2.2.4. Красота и новизна. Невротическое и шизофреническое в культуре	51
2.3.Творцы и хранители культуры	54
2.3.1. Творчество и искусство	54
2.3.2. Творческое меньшинство: шаманы и жрецы	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Революция для своих Постиндустриальная Утопия

Григорий Луговский

© Григорий Луговский, 2020

ISBN 978-5-4498-8529-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Стимулом для появления идеи и написания книги часто служит какая-то необыденная жизненная ситуация, заставляющая по-новому взглянуть на мир. Такой ситуацией для меня стал «взлом» аккаунта в ВК в апреле 2016, в результате которого я лишился прав администрирования своего сообщества «Интеллигент вшивый!» Последовала длительная переписка с модераторами «Вконтакте», где пришлось познакомиться с высокомерным тоном общения и многодневными задержками ответа. Другая травмирующая ситуация, очень похожая по сути, была пережита двумя годами ранее, когда я был вынужден уехать из Донбасса в связи с возникновением там квазинародных «республик». Когда эти два события наложились друг на друга у меня в сознании, вдруг отчетливо предстала идея книги под названием «Революция для своих».

Доступ к управлению сообществом был восстановлен только через месяц, но за это время я успел многое обдумать. Была создана группа в ВК, посвященная будущей книге и написан ряд текстов к ней. Казалось, что пары месяцев хватит, чтобы изложить все мысли, нахлынувшие в результате осмысления «Революции для своих». Но создание книги затянулось на четыре года. Прежде, чем излагать принципы революции и постиндустриальной утопии, я считал важным объяснить, кто же такие «свои», какими они бывают. Так родились главы «Человеческое», «Культурное», «Политическое» и «Экономическое», выступающие своеобразной преамбулой к собственно «Будущему» – «Постиндустриальной Утопии». Первые четыре части – попытка расставить «точки над I» в вопросе: что характеризует человека, каковы принципы человеческого, как люди организуются в общество или разъединяются из-за неприятия чего-то глубокого в других. Без понимания этой идеи никакие революции и утопии невозможны, а только исторические танцы на граблях.

Не могу сказать, что все части книги получились равнозначными. Какие-то темы мне более близки и рассмотрены подробно, а другие затронуты вскользь и подняты лишь потому, что не могут быть обойдены вниманием. Тем не менее, думаю, что тему человеческого мне раскрыть удалось. Наиболее важные принципы обозначены, а копать глубже или не копать – личное дело каждого. Как автор я считаю, что сказал достаточно для разумного читателя.

При написании этого текста приходилось часто обращаться к идеям, которые более подробно освещались в предыдущих моих книгах – «Парадоксы свободы», «О природе сакрального», «Роскошь человеческого разобщения». В наибольшей же степени многие темы «Революции для своих» перекликаются с книгой «Сатанизм и шаманство», известной менее других и написанной еще в 1994 году.

18.05.2020

Часть 1. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

1.1 Проблема сути человека

Определить природу явления можно лишь вычленив из него все то, что объединяет его с другими явлениями. Понятие «быть человеком» одно из самых сложных и динамичных. В человеке определенно есть животное (а также растительное и даже минеральное), но присутствует и что-то собственное человеческое, которое попытаемся здесь обозначить.

Я умышленно не ставлю вопрос «что такое человек», ведь каждый вправе ткнуть пальцем в себя, или любого и сказать – «вот, человек». И будет формально прав. Но быть по форме человеком, родиться человеком еще недостаточно. Поэтому я буду говорить о «человеческом» – наборе качеств, которые, являясь прилагательным, всегда к кому-то конкретно прилагаются. И тогда не каждый имеющий форму человека окажется носителем человеческого в одинаковой мере. Человек – не только мера всех вещей (по Протагору), но и мера человеческого в себе.

Современная наука непрерывно сужает границу между человеком и животным. Если раньше, особенно в богословской традиции, пространство между зверем и человеком казалось пропастью, то сегодня биологи не устают находить у животных (и не только высших) и интеллект, и признаки сознания, и способности к восприятию абстрактных символов. Есть просто ряд тонких пунктирных линий, потому что все, что есть у человека, что составляет часть нашей особенной сути, можно найти и в природе, хотя и в не столь развитых формах. Но искать эти линии разграничения все же полезно, чтобы лучше понять нашу суть.

Признавая, что человек не отделен от природы пропастью, стоит утверждать, что нечто человеческое, уже возникающее в природе, существует там лишь в малой степени, а в человеке приобретает максимальное развитие, становясь нашим родовым качеством. Я не буду рассматривать биофизические особенности человеческого, такие как рука и прямохождение. Они, конечно, являлись стимулами нашей психической эволюции, но явно не единственными, иначе мы бы могли видеть гораздо больше форм сапиенсов, произошедших от двуногих и хватающих видов. Кроме того, археология располагает останками нескольких видов архантропов, которые имели примитивные орудия и зачатки культуры, но людьми все-таки не стали.

Что же включает в себя человеческое, или «человечность» по аналогии с платоновской «стольностью» и «чашностью»?

1. Собственно человечность или гуманность. Как писал Томас Манн, *«человек – это загадка, и в основе человечности всегда лежит преклонение перед этой загадкой»*. Но термин человечность подразумевает в первую очередь способность к эмпатии, сопереживанию, причем уже не только близким, подобным себе, но и дальним. А в идеале – ко всему миру. Нечто похожее «благоговению перед жизнью» А. Швейцера. Важной особенностью гуманности является уважение к Другому, или чужому, его правам, границам.

К эмпатии способны и животные, но только в человеке это чувство достигает космических масштабов. Одно дело сопереживать детенышу, в том числе чужого вида (особенности реализации материнского инстинкта часто заставляют животных брать под опеку чужих детей), а другое – ощущать связь жизни своей и цветка, или единство себя со звездным небом над головой. Из космического чувства сопричастности человека к миру и мира к человеку рождается вначале магия, затем религии, философия, эстетика, а заодно и наука – как страсть к познанию, желание понять эти связи, а не только почувствовать.

2. Сознательное. Нельзя отрицать наличие элементарного сознания у многих животных, способных запоминать своих хозяев, членов семьи, собственную кличку или узнавать себя в зеркале. Тем не менее, развитое сознание – отличительное свойство именно человека. Каж-

дый человек имеет сознание, но степень его развития индивидуальна, а природа парадоксальна. Не существует мерки, определяющей качество этого развития. Кто-то может быть очень умен, но одновременно оставаться игрушкой низших страстей, иметь нарциссическую ориентацию психики и воли, быть лишенным первой составляющей человеческого – гуманности. Кто-то, не обладая значительным интеллектом, имеет высокий уровень сопереживания, или интуиции. Мы можем говорить про величину IQ, коэффициент эмоциональности, наличие определенных знаний, интересов, особенностей характера, делить людей по темпераменту, акцентуациям поведения, соционическим типам, знакам зодиака. В итоге можно сказать, что люди делятся на восемь миллиардов типов, то есть любое сознание уникально, поскольку формируется на основе уникального опыта и специфики темперамента.

3. Субъектное. Важнейшее отличие сознательного – наличие волевого центра, оператора сознания, субъекта. Особенности субъекта характеризуют воля и границы. Воля – способность к постановке цели и действию по ее достижению. Волей является любое принуждение к действию. Чувство, эмоция, мысль – формы воли. Уместен вопрос: чья эта воля? Воля может быть как своя, так и чужая – индуцированная внешней и внутренней природой или обществом. Одни воли принадлежат к опыту тела, другие – к опыту психическому, социальному и сознательному.

Эмпатия, сознательность и субъектность являются тремя возможностями, в направлении которых реализуется личность, формируя свой уникальный рисунок мира и себя в нем. Поэтому кто-то может быть по преимуществу эмпатичным, но не сознательным и не субъектным, кто-то по преимуществу субъектным и так далее. Эмпатия связана с восприятием и созерцанием, сознательность – с осмыслением воспринятого, а субъектность с определением границ явлений и вещей, в том числе и себя. Можно рассматривать эти явления как три этапа единого акта философского постижения бытия, который начинается с созерцания, переходит в осмысление и упирается в пределы («Философия – это мысль, домысленная до конца», Гилберт Честертон), определяемые имеющимся уровнем знаний. Психические проявления человеческого опираются преимущественно на природные качества индивида, поэтому для успешного их развития нам не слишком необходимо общество. Здесь достаточно иметь модель общества в собственной голове. Как и модели мира порой достаточно, чтобы делать какие-то выводы о нем.

Приведенные слагаемые человеческого относятся к психическим явлениям. Теперь перейдем к социальным проявлениям человеческого. Если психическое – сфера деятельности, реализуемой в «свободе от», то социальное реализуется в общении с другими, в «свободе для». Чем больше развита разнообразная коммуникация, совместная деятельность людей, тем прочнее основание такого общества.

«Социальное вообще» распадается на три составляющих, которые относятся к сути человеческого.

4. Культурное, игровое. Все проявления человеческого составляют культуру в широком смысле. В узком смысле культура делится на духовную и материальную. Вторую, в свою очередь, часто называют цивилизацией, противопоставляя культуре в узком смысле – духовной, символической деятельности [1].

К популярным определениям человека относятся «символическое животное», а также «человек играющий» (*homo ludens* Йохана Хейзинги). Эти два определения можно объединить, так как любая игра является символической деятельностью. Простейшие символы – это акты животных в процессе их игровых действий, характерных для молодняка, научающегося каким-то полезным навыкам, или взрослым особям во время брачных игр. То есть игра рождает символы, наличие символов отличает ее от условного «реального бытия», делая новой реальностью, очень важной для человека.

Игровое начало можно считать фундаментальной сутью человеческого наряду с сознанием, но сознание всегда субъектно, а правила игры, как все наработки культуры, хранятся в условной сетевой структуре коллективной памяти. Таким образом, игра – аналог общественного сознания. Правила игры можно менять, но не в процессе самой игры. Участники игры должны принять эти новые правила и только тогда они вступят в силу. Поэтому любой творческий ум вынужден обладать не только сильной волей, направленной внутрь себя, но и реализовывать свою волю в окружающий социум, чтобы убедить (но не заставить, в этом особенность игры, где участие добровольно) остальных в том, что новые правила достаточно хороши, чтобы принять их. На этой основе строится следующая ступенька человеческого – политическое.

5. Политическое. Идея человека как «политического животного» возникла в Древней Греции – колыбели как философии, так и гражданского общества. Слово политика одного корня с греческим «полис». Так назывались не просто города, а города-государства Древней Греции, где все граждане могли знать друг друга и осуществлять «политику» – общение с целью улучшение жизни своего полиса. Основным смысл политического – развитие способности договариваться, улаживая конфликтные ситуации для обоюдной выгоды, поскольку сохранение своего общества является большим благом, чем его распад. В мире животных можно тоже найти элементы политического поведения, как, впрочем, и противостоящей ему «воли к власти». Рассмотрению этой особенности человеческого будет посвящена третья часть книги.

6. Экономическое. Следующей ступенькой человеческого является экономическая деятельность, включающая на ранних этапах разделение обязанностей при выполнении полезной работы (разделение труда), а на поздних этапах – обмен результатами труда. Здесь уже можно говорить не просто об экономической, а о хозяйственной деятельности, поскольку у благ, полученных трудом человека, появляется хозяин, или автор. Но с усложнением экономических отношений субъектность размывается, делается все более прозрачной и призрачной. Чем далее, тем сильнее экономика становится полем игры, подобным сфере культурного и политического. Подробнее об особенностях экономического мы будем говорить в четвертой части книги.

Каждый человек уникален, являясь сочетанием множества неуникальных элементов – различных культурных и природных качеств. И в любой непонятной ситуации полезно делить людей на типы, определяя – что за человек перед тобой, какой должна быть стратегия отношений с ним (или какие-либо отношения должны быть совсем исключены). Кто-то при этом ориентируется на знаки зодиака, соционические типажи, кому-то удается считывать и более особенные черты характера. С другой стороны, страх какого-либо деления людей на типы стал одной из фобий цивилизации после второй мировой войны. Ведь именно попытка нового разделение людей на лучших и худших (в противовес старому, аристократическому принципу такого разделения) вызвала эту войну: в СССР людей делили по классовому признаку, в Германии – по расовому и национальному. Но тут есть один нюанс. Выявлять типы людей можно и нужно, а вот объявлять одни типы лучшими, а другие худшими – нельзя. Ведь любые различия – питательная почва для развития.

Проявления человеческого не стоит рассматривать как иерархическую конструкцию. Хотя человеческий потенциал может быть проявлен во многих сферах человеческого, к этому сложно призывать, ведь люди могут быть по преимуществу деятелями, или мыслителями, творцами, или исполнителями, социально ориентированными, либо склонными к саморефлексии и уединению.

Эти особенности стоит уважать, ведь максимальное самораскрытие каждого служит всеобщему благу, являясь частью общей эволюции. Если мы признаем эволюцию, создавшей все многообразие мира и нас самих, не стоит препятствовать ее логике, ведущей к многообразию. Даже без осознания эволюционного характера самореализации, она привлекает нас как

источник сильнейших позитивных переживаний, поэтому оправдана не только с точки зрения «высоких мотивов», но и с позиций принципа удовольствия.

Самораскрытие важно понимать не как развитие врожденного потенциала, а как двуединый процесс диалога внутренней природы и внешнего мира через посредничество индивидуальной психики, которая, находя выражение в сознании, превращается в самостоятельного игрока, способного извлекать выгоду из конфликта противостоящих сил.

1.2. Субъект, сознание и свобода воли

Для понимания человеческого вначале необходимо рассмотреть три главных понятия на букву «С»: сознание, свобода воли и субъектность.

Кто-то, возможно, захочет включить в этот список еще одно «С» – социальность. Но социальность сама по себе не характеризует человека, ведь в природе хватает общественных организмов, причем как сложных, близких к человеку, так и примитивных. Например, коллективы муравьев или пчел, колонии кораллов гораздо сплоченнее, чем человеческие. Даже социальность стаи высших животных обладает большей властью над каждым своим членом, чем человеческая, хотя некоторые общества ориентируются именно на стайные принципы, делая волчью стаю или стадо копытных матрицей, которую идеализируют и берут за основу. Но эти типы обществ мы не можем считать ни наиболее успешными исторически и эволюционно (что в случае с человеком одно и то же, ведь история и есть наша эволюция), ни такими, которые воспитывают человеческие качества, о которых мы говорим, наилучшим образом. Подобные общества строятся как раз на подавлении человеческого потенциала, заключающегося в упомянутых «трех С».

Насколько бы человек ни был «общественным животным», в качестве эстетического образца и жизненного идеала он выберет скорее кошку, чем муравья. А это говорит о том, что индивидуализм и субъектность для нас более дороги, чем общество. Конечно, колебания между индивидуализмом и социальностью всегда происходят, и они зависят как от самой личности, так и от воспитавшей ее культуры.

Четвертым важным для человека понятием на букву «С» можно считать сакральное. Именно представления о сакральном, символически ценном, отличает гомо сапиенса от любого животного, накладывая отпечаток на весь характер нашей социальности. Поэтому, если говорит о социальности человека как особенном феномене, то ее главным составляющим является представление о сакральном, иначе называемом религией, духовностью или культурой вообще. Но пока оставим эту тему за скобками, поскольку культуре будет посвящена отдельная часть книги.

Вынесенные в заголовок понятия являются феноменами. Мы их наблюдаем, пытаемся постигать, но никогда не можем познать до конца. Феномены какой-то своей частью пребывают за границами опыта, ведь они способны меняться, в том числе под влиянием взгляда наблюдателя. Три названных понятия тесно связаны: субъект невозможен без сознания (и чем более развито его сознание, тем успешнее он может отстаивать субъектность); сознание не возможно без своего субъекта – владельца и пользователя; а также они невозможны без свободы воли. Развитие каждой из составляющих этой триады дает простор развитию остальных. Несбалансированность сознания, субъектности и воли порождает множество особенностей человеческих характеров, психотипов и недоразумений между ними, выливающих в разные представления о правильном положении вещей, порядке.

1.2.1. Субъектность

1.2.1.1. Субъект – носитель свободы

Субъектность – первейший принцип всего живого, существующего в противоборстве и сотрудничестве (а значит – в непрерывном диалоге) с окружающим миром. Даже простейшие организмы наделены способностью сохранять себя, блюсти свои границы, или расширять их, противостоять энтропии. Это еще одно определение субъекта – тот, кто может сопротивляться, отстаивая свои границы.

Субъект обладает суверенитетом, который пропорционален его сложности, свободе и воле. Обладающий некоторой свободой может вести себя парадоксальным образом. Точка равновесия, в которой он найдет свою «зону комфорта», сложно предсказуема. И чем больше имеется свободы, чем длиннее плечо качелей, тем больше у субъекта возможности выстроить (или проявить) свою уникальность.

Свобода – все, что характеризует субъекта, а воля – способность выживать, сохранять себя, занимая свое место в мире, а также осваивать новое, расширяя пространство своего. Поэтому эволюция толкает живое к улучшению способности отстаивать себя. Упрощенно свобода выглядит как выбор цели, а воля – как движение к выбранной цели и достижение состояния, когда эта цель теряет актуальность.

В специфике отношений свободы и воли скрыт, возможно, ответ на вопрос: почему в одних и тех же условиях эволюционирует не все особи? Почему мы наблюдаем одновременно существование амебы и человека, хотя миллионы лет назад были только амебы? Разнообразие форм жизни, разных по уровню сложности, показывает, что какие-то субъекты всех видов участвуют в эволюции, а другие либо погибают, либо выживают, но не меняются.

Качественный суверенитет включает способность не только отстаивать границы, но и определять «свое» и «полезное», отделяя его от чужого и бесполезного (или вредного), познавая себя и окружающий мир. Это определяет приоритетное развитие психики и возникновение сознания в ходе эволюции. Субъектность стимулирует познание, включающее определение границ и выявление законов. Следующий этап развития субъектности – способность договариваться с другими, создавая собственные законы. В какой-то степени этот этап знаком даже простейшим организмам, ведь каждый вид существ обладает своими законами, определяющими их взаимодействие со своими и чужими.

В природе взаимодействие субъектов выглядит более жестко и закономерно. Иногда это симбиоз и сотрудничество. Но чаще мы наблюдаем (возможно, потому, что это нагляднее) борьбу за существование, когда утверждение субъектности происходит как ницшеанская «воля к власти», когда сильные и здоровые имеют больше субъектности, чем слабые и больные. Размер тоже имеет значение, хотя более мелкие виды могут получать преимущество в борьбе за счет коллективных действий.

Конфигурация человеческой субъектности сложнее. С точки зрения Декарта, а за ним и мейнстримовой европейской философии нового времени, единственное, что мы знаем достоверно – существование себя как мыслящего субъекта. Наша фиксация внешнего бытия может быть под вопросом, поэтому та печка, от которой мы пляшем – Я сам. Я есть, поэтому я – точка отсчета на шкале. М. Мамардашвили считал, что центром, по отношению к которому определяет свое состояние человек, являются *«вечно длящиеся акты, которые не считаются случившимися»*, что примерно соответствует бытию. Все прочие субъекты и их бытие познаются нами в сравнении – по признакам подобия и различия. Представление о субъектности

Другого рождается из человечности/эмпатии: Я узнаю Другого как субъекта по образу и подобию себя, но более активным чувством является неподобие.

Мы не только узнаем о существовании себя по мысли (декартовское «мыслю, значит – существую»), а и по делу. Проще говоря – по воле, ведь и мысль, и акт являются ее проявлениями. Чтобы ощущать жизнь, нужно не только созерцать ее (подход восточный, в духе буддистов и даосов), но и действовать – менять созерцаемый мир, чтобы убедить себя: «я есть сущий». В таком прочтении христианского самоуподобления богу преломился волюнтаристский характер европейской горячей культуры [2], и собственно христианское единобожие, где нет места смирению перед миром, а есть только смирение перед богом. Но если Я подобен богу и наделен свободной волей (что утверждает христианство), то «значит все можно». В этом понимании и начало учения о сверхчеловеке, и фобии Достоевского, и анархический оптимизм Штирнера.

1.2.1.2. Субъект и социальность

Социальность предполагает систему отношений, которую субъект принимает, отказываясь от части суверенитета. Такая форма связей реализуется не только человеком и даже не одними живыми существами. Взаимодействие системы и внесистемных элементов можно рассмотреть даже на примере любой науки. Здесь всегда есть набор фактов и набор теорий – схем, организующих разрозненные факты в работающую систему, «общество». Если какие-то факты не вписываются в прокрустово ложе схемы, тем хуже для них. Для познания такие факты пребывают в процессе становления – они еще не доросли до того, чтобы вписаться в схему, либо уже ее переросли, представляя собой зародыши новой схемы, которая появится в будущем. Факты, находящиеся в свободном движении, когда-нибудь организуются в новые схемы (прибегая к помощи разума ученого-новатора), либо берутся в орбиту власти старых, уже работающих схем (если схема может выиграть от этого объединения). Можно говорить даже о том, что все в мире состоит из схем и не подчиняющихся им фактов – феноменов. Входя в схему, феномен теряет долю своей субъектности, но приобретает некоторое благо – познаваемость.

Во всех своих проявлениях человек борется за то, чтобы оставаться собой, но это стремление вступает в противоречие с необходимостью в Других. Почти вся наша уникальная и сложная жизнь, как внешняя, так и внутренняя, выступает поиском баланса, качелями между эгоцентризмом и социальностью, условным материальным и духовным началом. Материальное (телесное) – минимальные границы субъектности, нарушение которых грозит физической гибелью. Это ядро субъектности, ставшее основанием, от которого можно оттолкнуться, если сил достаточно, или остаться как на надёжной платформе, если нет воли к действию. Для оттолкнувшихся от этого ядра все большую роль играет «духовное» – символический контур их субъектности, раскрываемый в социальных связях, причем выходящих за рамки общества как такового. Ведь любое познание есть процесс формирования общества из представлений о мире.

У нашей субъектности много уровней. Простейшие – биологический и психический. Невозможно рассматривать субъектность отдельно от своего тела (которое обладает собственным разумом, лишь изредка вступающим в контакт с сознанием) и от памяти, делающих нас именно нами, а не кем-то другим. Кроме этого есть социальный компонент (я работаю там-то, я умею и знаю то-то, меня знают как того-то), и чисто событийный (я тот, кто идет сейчас по тротуару), и правовой, или имущественный (у меня есть то-то). Любая субъектность состоит из набора индивидуальных черт, которые получены либо по факту рождения (наследственность, природа), либо выбраны сознательно (обучение, влияние среды).

Это же относится и к границам себя и других, которые являются величиной переменной. В человеческом мире границы субъектности распространяются еще и на вещи, имущество, территорию. «Я» стал множественным и иерархичным, а познание себя может оказаться

достаточно сложной задачей, поскольку мы способны меняться, проявляя различные скрытые возможности под влиянием внешних воздействий и собственных решений.

Поэтому человека стоит рассматривать как ансамбль субъектностей, которым предопределено жить вместе. Тело и сознание, темперамент и увлечения, наш биологический и социальный статус – это «скованные одной цепью». Кто из них окажется сильнее, то влияние и будет доминировать в жизни субъекта, который, таким образом, является не единицей, а соотношением нескольких слагаемых. В этом важное отличие человека от животного – нам приходится договариваться, жить общиной уже внутри самих себя. И когда говорят о социальной природе человека, нужно в первую очередь иметь в виду эту нашу внутреннюю множественность, а не стремление к подчинению внешним общественным нормам.

1.2.1.3. Субъект или объект? Иерархия субъектностей

Где проходит граница между субъектом и объектом? Субъектность определяется силой, или компетентностью в любой сфере. Любой из нас, будучи в какой-то области искусственным, во многих других окажется менее субъектным. Так, боксер, севший играть в шахматы, скорее всего в рамках этой игры будет объектом, но на ринге он уже полноценный субъект.

Кроме «быть» можно еще и «казаться», «производить впечатление». Субъекты и объекты представляются таковыми сквозь призму воздействия на восприятие. Субъект в нашем восприятии отличается от объекта тем, что в его действиях мы усматриваем непредсказуемость. Поэтому и многие природные явления могут восприниматься как субъекты, если они сложны и непонятны. Но когда что-либо становится понятным (или кажется таковым), для восприятия оно обретает черты объекта.

Точно также субъект иногда может восприниматься другими – в силу разных причин, в том числе и мимикрии – в качестве объекта. Колония бактерий, пока не вызывает болезни, не проявляется как субъект, но стоит ей стать причиной недуга, как мы уже не можем игнорировать ее существование. Даже камень, который лежит на дороге и его приходится обходить, «ведет себя» как субъект, поскольку с ним нужно считаться. Собака, лающая на вас, более субъектна, чем собака, безразлично проходящая мимо. Поэтому и камень, и собака могут выступать для нас и как субъекты, и как объекты. Это же можно экстраполировать и на людей. Нас скорее замечают, если мы мешаем другим.

Любая субъектность имеет свои границы. И если для восприятия границы субъектности одни, то сознание, будучи более сложным проявлением психики, выявляет новые, специфические границы субъектов. Эти осознаваемые границы субъектности стоит называть юрисдикцией – пространством своего права. Только субъект может чем-то владеть, в том числе правом. Объект владеет только свойствами, а вернее они владеют им. Субъект тоже обладает свойствами, но часть из них он может менять самостоятельно.

Чтобы полнее реализовывать субъектность, часто приходится использовать объекты. Например, человек с лопатой более субъектен в рытье канав, чем пользующийся лишь руками. А человек с ружьем более субъектен, чем человек с палкой. Таким образом, в некоторых проявлениях субъекта нельзя рассматривать без вещей, имущества, являющегося продолжением его субъектности, частью его свободы, способствующей реализации его воли. Без экскаватора экскаваторщик перестает быть собой. Без компьютера нет субъекта программиста и т. п.

Еще одна особенность субъектности проявляется через характер социальной жизни. Даже будучи субъектами, во многих ситуациях мы склонны вести себя как объекты – приобретаем мягкость или становимся твердыми, если кто-то пытается воспользоваться этой мягкостью. *«Лучше быть мягким снаружи и твердым внутри, чем твердым снаружи и мягким внутри»* (Лао Цзы). Здоровое общество делает своих членов мягкими снаружи, поскольку настроено на уважение субъектности. В больном обществе приходится быть твердым снаружи,

чтобы защитить свои права, здесь слишком часто приходится обозначать или отстаивать свои границы.

Есть две стихии, способные превращать изначально уникальные по своей форме камни нашей субъектности в подобие гладкой гальки, или прибрежной песчинки – океан природы и общественное море. Человек, находящийся под постоянным давлением, трансформирует свою личность либо в «песчинку», уподобившись большинству и стремясь ничем не выделяться, либо, сохраняя острые грани, приобретает толстокожесть, гарантирующую недосыгаемость внешних воздействий к его мягкой сердцевине. Субъектность первых занижена, поэтому конформисты легко поддаются влиянию всего, что способно оказывать давление, демонстрировать силу. А вторые, в которых часто превращаются субъекты, обличенные властью, обладают искаженными представлениями о себе и мире, поэтому тоже не могут быть свободными. Владеющий многим нуждается в соразмерной этому силе, позволяющей защитить приобретенное, что способно свести на нет развитие всех прочих сторон субъекта, низводя его до раба вещей или приобретенного положения.

Появление препятствий на пути самореализации становятся частыми причинами фрустраций, искривления характера в сторону негативного восприятия себя и мира. В такой ситуации человек уподобляется дереву, затеняемому соседними – приобретает узкую направленность, находя возможность реализоваться (или просто «быть собой») лишь в определенной узкой нише, где ему удастся больше, а его заслуги будут оценены обществом.

Если «сильный Я», или авторитарный «человек-камень», подавил в себе ростки сомнений и критической мысли, то просто «слабый Я» («человек-песчинка», конформист) предпочитает двигаться по течению воли большинства, или руководствоваться волей авторитетов. Идеальным состоянием субъекта стоит считать «сильного слабого Я» – индивидуально найденный баланс между этими противоречиями [3].

1.2.2. Сознание

Ранее я определил [4] сознание как «навигатор по жизни». «Навигатор» запрограммирован вести нас от плохого к хорошему, от страданий к наслаждениям, от лишений к благу. Такое сознание-минимум предустановленно и функционирует во всем живом, даже лишенном мозга, отличая его от неживого. Как БИОС, «оживляющий» компьютерное железо.

Сознание, наряду со временем, пространством и энергией (ресурсами), является одним из четырех измерений свободы [5]. Важная функция нашего навигатора – непрерывная фиксация себя с точки зрения «корзины свобод», определяя свое местоположение в пространстве и времени, а также физическое, финансовое и социальное состояние. В мире животных это выглядит как непрерывная фиксация навигатором ближайших угодий пищи, тепла и других благ.

«Находиться в сознании» означает помнить такие базовые вещи как «кто я», «где я», «какое сейчас время». Соответственно, «измененное состояние сознания», либо «сон разума» (в том числе и обычный ночной сон, а также сновидения) мы узнаем по отсутствию четкой фиксации себя, а также окружающего времени и пространства.

Сознание-навигатор (или сознание-минимум) служит только для выживания и улучшения качества жизни своего носителя. Этим определяется эгоцентричный характер сознания. Оно всегда строится вокруг Эго своего «господина». Но определить свое местоположение в реальности сложно без построения достаточно точной картины внешнего мира – действующей модели бытия, на которой можно моделировать успешные ситуации, дабы избежать для «господина» неприятных ситуаций и программировать наступление событий благоприятных. Поэтому можно сказать, что возникновение мозга стало результатом развития инфраструктуры уже существующего сознания. Если любая жизнь – бытие по особой программе, отличной от программы неживого, то наше сознание – просто более высокая версия этой жизненной программы.

Карл Юнг, задаваясь вопросом, как определить, что сознание имеет место, отвечал: *«первой формой сознания, доступной нашему наблюдению и познанию, является простая связь двух или нескольких психических содержаний»*. Это же может свидетельствовать и о существовании языка, «семантического контура» – способности связывать те или иные факты и образы с символами. Поэтому сознание неразрывно с символической деятельностью, а главное его занятие – установление связей. Частица «со-» и указывает на деятельность, которой сознание постоянно занимается, устанавливая контакты не только между предметами и их обозначением, но и между «Я» и всем окружающим, подыскивая место «себе» в бытии – как «вообще», так и в «здесь-и-сейчас-бытии».

Сознание – видимая часть айсберга нашей психики, что можно понимать и как то, что все люди в психическом отношении не менее индивидуальны, чем конфигурации айсбергов, и как констатацию факта, что скрытая часть собственной психики столь же темна для нас, как и потемки чужой души. «Видимость» относится к тому содержанию психики, которое проходит через сознание. Видимое равносильно для нас понятному, познанному, увязанному в сеть системы представлений. Но сознание, особенно творчески ориентированное, постоянно трудится над расширением себя, пытаясь увеличить видимую часть айсберга.

1.2.2.1. Совесть и разум

Сознание, как всякое сложное явление, известно и под другими именами. Такими как «душа», «разум», «дух», «совесть». Но эти понятия часто отражают лишь отдельные стороны работы сознания, либо несут разную культурно-историческую нагрузку.

Совесть и сознание стоит разделять как часть и целое. Сознание – сложное психическое образование, включающее в себя и совесть, или «сознательность» – способность ориентироваться на социальные установки (фрейдовское Сверх-Я), или личные ценностные представления.

А вот понятие «разум», как мне кажется, не содержит никакой дополнительной смысловой нагрузки и может считаться синонимом сознания. Если «сознание» – производное от «со-» и «знания», то «разум» – это «разделенный ум» (ум же равнозначен интеллекту), что говорит о способности вести внутренний диалог, раздваиваться на «спрашивающего и отвечающего», «видящего и показывающего», «учащегося и оценивающего» и т. д. Естественно, там, где двое, там может быть и множество. Эта способность сознания позволяет подставлять на роль Другого кого угодно, придавая ему черты конкретного человека. В роли последнего может выступать собственный критический разум (благодаря способности раздваиваться внутри себя), или представление о боге, значимые люди, а также страхи, иррациональные ощущения, социальные установки.

Но важнее не то, сколькими образами Другого может оперировать сознание, а насколько оно способно интегрироваться вокруг собственного волевого центра – субъекта, или «оператора сознания». Это нужно, чтобы не утратить себя за образами Других, сохранять и укреплять свою субъектность. Если сознание не работает на свою субъектность, «вытанцовывая» образ себя и своих границ, то его совесть и сознательность становятся симулякром – имитацией, построенной не на свободной рефлексии критического ума, а на подражании и мимикрии. Такая совесть – просто удобная позиция, а не акт волевого выбора.

1.2.2.2. ИСС и развитое сознание

Иногда сила навязанных идей так велика, что субъект теряет способность к полету воображения и творчеству. Фактически речь идет о торжестве внешней воли, Супер-Эго, подавляющем способности и желания. Страхи сковывают такое сознание, лишая той радости, которая была знакома в детстве, когда можно еще «быть собой», не бояться показаться глупым, слабым, смешным. Радикальным средством от отягощающего влияния Супер-Эго выступают различные способы «изменения состояния сознания» (ИСС), к которым часто прибегают взрослые люди, пытаясь ослабить цепи Сверх-Я, сковывающие разум. Средства ИСС – своеобразный билет в «потерянный рай» детства, когда мы видели мир иначе; это способ изменить отношение к происходящему как во внешнем мире, так и на внутренней сцене сознания. При этом мы либо начинаем видеть/слышать/понимать больше, чем обычно, либо меньше. Так, алкоголь – это скорее средство притупления восприятия, а некоторые наркотические вещества – обострения.

Употребление средств ИСС – признак дисгармонии, страданий, переживаемых сознанием. Но притупляющие и сужающие восприятие средства как правило выбирают те, кому их сознание стало велико. Высокая развитость сознания не исключает употребления средств ИСС, но причины тому могут быть самыми разными – от стремления именно сузиться (и стать ближе к большинству), до стремления более радикального расширения, желания открыть новые творческие возможности.

Развитым сознанием следует считать такое, у которого проявленная часть айсберга выше среднего уровня. Такой человек не обязательно много знает, но лучше понимает себя, а также Других и бытие вообще. Развитое сознание должно характеризоваться как выраженной субъектностью, то есть эгоцентризмом, так и критичностью мышления – развитием способности становиться на позицию Другого. От того, чего в сознании больше: эгоцентризма, или способности быть Другим, зависит многое в характере субъекта, его взглядах на мир, себя, творче-

ство и т. п. В идеале сознание гармонично развивается, когда Я и Другой уживаются и сотрудничают, оставаясь достаточно равноценными частями разума.

Такое сознание с трудом уживается с наличием каких-то трансцендентных поводырей и сил, которым нужно подчиняться, не подвергая критической оценке. Развитое сознание признает другие сознания такими же особенными и ищет в них эту особенность. Научившись договариваться внутри себя, сознание стремится к подобной форме отношений и в обществе, или даже во всем окружающем мире.

1.2.2.3. Душа и дух

«Одушевленностью» обычно называют способность чувствовать, воспринимать актуальную информацию, поэтому термин душа относится ко всей психике, что, собственно, и означает греческое «психе». А поскольку способность чувствовать служит целям «навигатора», можно говорить, что первозданная основа сознания – восприятие, дающее развитие душе, то есть способности переживать, выступая связующим звеном между Эго и древними пластами психической памяти (бессознательным).

Противопоставление материи и духа могло возникнуть из первозданного для любого существа противопоставления себя миру. Единственным подлинным духом, которого мы знаем, являемся мы сами. А вот в качестве материи существует весь окружающий мир и собственное тело. Поэтому мы нигде не можем наблюдать дух, отдельный от материи. Впрочем, под материей принято понимать лишь нечто осязаемое, а осязаемым оно оказывается благодаря наличию каких-то свойств, которые – только информация, то есть составляющее духа, формы.

Любая информация фиксируется кем-то воспринимающим. Это восприятие может быть разным, завися от воспринимающего аппарата. Так же и передача информации способна выглядеть как стрельба из пушки по воробьям: в послании может содержаться больше информации, чем воспринимает воспринимающий. Цветок для коровы и цветок для пчелы – совершенно разные. Как и цветок Ван Гога будет отличаться от цветка Дюрера. Благодаря искусству, нащупывающему и расширяющему границы нашего восприятия, мы, будучи очень похожими внешне, физически, телесно, можем очень отличаться в восприятии мира, в сознании.

Только субъект – воспринимающий, либо передающий – выступает фильтром информации, воспринимая что-либо, или нет. Мы проходим мимо множества событий и фактов, не трогающих нас, но это не значит, что они нам «не сигналили» о своем бытии. Мы можем «облиться слезами над вымыслом», но не видеть чего-то настоящего. Впрочем, любая «настоящность» ограничивается как аппаратом восприятия, так и уровнем развития сознания. Поэтому наше настоящее для кого-то может выглядеть иллюзорным.

Говоря о духе, имеют в виду сферу сознания, отвечающую за обретение смысла и его сохранение. Это более высокая степень субъектности, которую можно называть ценностной матрицей сознания, совестью, личной философией, культурой. Дух может выступать продуктом не только сознания, но и бессознательного. Какие-то задатки его существуют уже в теле, влияя на склад психики и формирование сознания. Так, то, что мы называем характером человека – часть его духа, видимая другим. Даже у кошки, собаки или коровы можно определить индивидуальные повадки, а значит характер.

Знать кого-то, значит воспринимать его характер через информационные послылы – жесты, мимику, манеру речи, а также практику и творчество. Сознательная часть духа – это либо продукт заимствования, либо итог настоящей творческой работы, которая, впрочем, тоже редко возможна без заимствований и подражаний. При этом любое сознание и любая воля умирают, а дух может сохраняться в каких-то артефактах или «оживать» в деяниях подражателей.

Даже у великих умов можно проследить цепи влияния на взгляды, течения и парадигмы, сходящиеся и расходящиеся пути, составляющие целые духовные школы. Если мы говорим «это что-то в духе Ницше», или «в духе Пушкина», то подразумеваем наличие устойчивых признаков, указывающих на систему взглядов, индивидуальность. При этом можно «быть Пушкиным», а можно «писать как Пушкин», подражая ему. Поэтому, если сознание-навигатор неотъемлемо от субъекта, «приписано» к конкретному телу, то дух – такой информационный слепок, который внешний наблюдатель может воспринять как систему и даже примерять на себя, чего нельзя пока сделать с телом.

Хотя культура возникает как антитеза природе, она использует природу как опору для толчка. А степень развития сознания (она же – сознательность) зависит от воли, которая определяет силу толчка и от собственной природной опоры, и от различных внешних влияний. Что влияет на степень развития этой силы? Даже новорожденные, будучи только «заготовками человека», еще не содержащими в себе духа (за исключением тех его возможностей, которые передаются генетически), имеют различную силу воли «центра принятия решений» – потенциальную возможность развивать свой дух, в том числе и перенимая готовое.

Если взять популярную фрейдистскую схему деления психики на Я, Сверх-Я и Оно, то Эго выступает оператором сознания, а Сверх-Я является духом. Но только Эго решает, что для него истинное Сверх-Я. Тогда прочие Сверх-Я будут считаться ложными. Там, где мы имеем дело с «более творческим Я», никакие Сверх не признаются, что говорит либо о незрелости и духовном поиске, либо о кризисе, а возможно и деформации сознания.

1.2.2.4. «Удвоение мира»

Ощущение двойственности бытия, разделение мира на внешний и внутренний – важнейшее впечатление, связанное с работой сознания. Имея модель мира в голове, можно значительную часть активности направлять на этот внутренний мир, производя в нем различные действия – от грез и фантазий (кто-то назвал их «сладострастием сознания»), до работы мысли по решению конкретных утилитарных задач.

Благодаря удвоению мира, мы можем одновременно производить какие-то действия во внешнем мире и занимать свой внутренний мир мыслями, воспоминаниями, мечтаниями. Простейшие примеры работы «сдвоенного мира»: наша речь, переводящая мысль, акт внутреннего мира, в высказывание – акт мира внешнего; возможность делать несколько дел сразу; способность понимать двусмысленности, намеки.

Но деление бытия на мир идей и мир вещей является упрощающей схемой. Во-первых, внешний мир открывается через шлюзы восприятия, а они несовершенны, ведь мы способны принять лишь часть информации, особенно когда слишком заняты своим внутренним миром, требующим свою долю внимания и энергии.

Во-вторых, в нашем условном внутреннем мире тоже есть разные этажи. Часть содержания своей психики мы не знаем и не контролируем, часть является продуктом нашей воли и еще какая-то часть скорее может быть определена как призраки, с которыми мы взаимодействуем, вступая в сотрудничество или конфликт.

К неконтролируемой части относятся сны и то, что называется бессознательное. Это слои нашей психики, в которых «зашипована» психическая программа от амобы до гомо сапиенса, подобно тому как человеческий зародыш во внутриутробном развитии проживает эволюцию от одноклеточного до примата. Вероятно, «призраки», появляющиеся на «сцене сознания», являются посредниками между бессознательным и сознанием. И чем их больше, тем сложнее управляться с ними сознанию.

Раздвоенность при развитии абстрактной мысли превращается в «растроенность», ведь субъект, определяющий меру того или иного в себе, должен оставаться нейтральным, то есть

нулем на шкале. Ее проекцией становится представление о троичности бытия, где есть мир внешний, мир внутренний и собственно «Я» – волевой центр принятия решений, который не обладает собственным содержанием, а обладает свободной волей (о которой будем говорить ниже), прокладывает путь, выбирая между двумя другими силами. Эту схему мы находим и в концепции Я, Оно и Сверх-Я, и в первобытных представлениях о трех миров – божественном верхнем, человеческом среднем и демоническом нижнем. Здесь же можно видеть аналог христианской троицы, индуистской триады богов (тримурти: Вишну, Шива и Брахма). Речь идет о разных уровнях субъектности, доминирующих на отдельных этапах эволюции – как общей, так и личной. Рождаемся мы, прежде всего, как тела, затем активно проявляется воспринимающая часть психики – душа, а развитию собственно сознания – духа можно посвящать всю дальнейшую жизнь.

Экзистенциальная и этическая проблема внутренней разорванности рассмотрена еще в платоновском диалоге «Федр», где человек представлен как триада – возничий, злой конь и добрый конь. Управляющий повозкой возничий символизирует разум, а кони – волю и страсть. Платону считал, что воля направляет субъекта к благу, которое связывает нас со всеобщим (космосом – «красивым порядком»), а страсть – сила природных устремлений к благам телесным. Два коня представляют и две формы любви, одна из которых движет повозку тела к совершенству, а вторая – к удовольствиям и утехам.

Подобное триединство просматривается и во фрейдистском делении психики на Я, Сверх-Я и Оно, но с той разницей, что психоанализ реабилитирует страсти, осуждаемые Платоном и христианским обществом. Духовная разорванность между нуждами Эго, Супер-Эго и Ид, создает специфическую конфигурацию нашей свободы, живущей в противоречиях, поиск выхода из которых составляет львиную долю нашей столь богатой психической жизни. Эта разорванность тем ощутимей, чем больший потенциал свободы дан человеку. Она стала благодатной почвой для развития представлений о свободе воли, характерных для западного христианства. Подход европейского сознания к такому дуализму выразил Клайв Льюис: *«У тебя нет души. Ты – душа. У тебя есть тело»*. А научно мыслящий европеец скорее поставил бы на первое место тело, а на второе – сознание (душу). Материалистическая философия, ставшая популярной в 19 веке, взяла под сомнение факт свободы воли в силу представления о приоритете тела, материального начала, которое и нашептывает (или прямо диктует) сознанию свои команды.

Хотя ни платонизм, ни фрейдизм, ни христианство не ставят под сомнение существование разумного начала – Эго, их взгляд на личный разумный выбор отличается. Обязан ли разум направлять именно к благу, а не к эгоистическим целям? Не слишком ли наивно такое представление о природе свободной воли? На то она и свободна, чтобы быть непредсказуемой в своих шагах и выборе цели. Здоровый субъект может быть устремлен к реализации своих желаний, которые могут вступать в противоречие с общественным благом. «Быть свободным» часто понимают как «быть диким», хотя человек уже не может по-настоящему вернуться в «потерянный рай», откуда его изгнала социализация. Благодаря своей воле, мы становимся особенными субъектами, выстилающими жизненный путь цепью выборов между приоритетами природы, культуры, либо уклоняясь от выбора.

1.2.2.5. Личная философия

Зрелого человека принято воспринимать как продукт его сознания, даже если оно в основном занято преломлением влияний, идущих извне или изнутри. Человек созидает себя в результате конфликтов и сотрудничества собственной природы и внешнего мира, в том числе культуры. Он может более принадлежать животному началу в себе (природе), принадлежать

преимущественно среде, господствующей системе (конформизм), либо отстаивать свою самостоятельность, развивая волю.

Именно сознание содержит в себе (и под собой) и развивает (или не развивает, а подавляет – в угоду природе, страхам, особенностям общества) все, что мы назвали человеческим. Развитые сознания формируют не только себя, но и облик своих обществ, наполняя человеческое новыми формами и смыслами. Вне человечества и вне сознания нет необходимости ни в изучении объективной реальности, ни в избыточном (по отношению к природным нуждам) знании.

Один из смыслов слова «природа» – сущность. И если природные сущности мы вынуждены разгадывать, то культурные сущности создает сам человек. А философия занимается сшиванием противоречивой реальности природы и культуры, отыскивая общие принципы и законы построения смыслов. Там, где наука ищет смыслы природные, мы имеем дело с физикой, а там, где постигаются коды культуры – с культурологией. Но поскольку человек – существо двуединое, разорванное между природой и культурой, то философия отвечает за выработку единого взгляда на мир, взирая на него сквозь человеческую призму.

По словам М. Мамардашвили, философия – это сознание вслух. А для А. Пятигорского, *«всякое реальное философствование есть думанье о сознании»*. Каждое сознание в той или иной мере занято поиском смыслов, но не столько всеобщих, сколько смыслов/оправдания себе, чтобы применять свою волю осознанно, целесообразно. Философия и есть осознание – способность и стремление понимать внешний мир и себя, поиск ценного, долговременно (а в идеале – всегда) работающих правил и законов бытия. После обнаружения таких устойчивых ценностей, сознание может «перестать беспокоиться и начать жить». Ни одно сознание невозможно без набора идей, хотя далеко не всегда они – результат собственного мышления. Тем не менее, сознание формируется в гармоничный узор только из работы мысли, и чем больше такой собственной работы, чем обширнее паутина связей, тем уверенней можно говорить о наличии у субъекта развитого сознания, а значит – философии.

Большинство людей строят свои представления о мире не только из личного опыта или размышлений, а из всех подручных и доступных им средств – идеологий, мифов, элементов сложившихся философских концепций. Синтез мировоззрения без адекватного их анализа является не философией, а мифотворчеством. Чем меньше сознание произвело собственной работы мысли, тем меньше в нем философского и больше мифологического. Вслед за К. Леви-Стросом такую систему взглядов можно назвать бриколажем. Для бриколажа не важна непротиворечивость узора его системы, достаточно условной ее «красоты».

Только глубокие размышления, которые являются философской технологией, способны выявить противоречия в матрице взглядов, собственных, или чужих. Поэтому развитое сознание ближе к философской системности, а неразвитое является мировоззренческим симулякром. Но это не значит, что люди с мифологической матрицей взглядов ущербны. В какой-то своей области они могут достигать успеха и ощущения полноты жизни. Огрехи ложной философии, как правило, дают о себе знать в ситуациях, когда привычный мир рушится, обнажая океан хаоса, который был скрыт тонкой драпировкой порядка. Именно то, как держит удары сознание при встречах с хаосом (а это могут быть и бытовые катаклизмы, и экзистенциальные вызовы), способно говорить о прочности фундамента, на котором оно соорудило свою систему смыслов.

Нельзя отрицать общих принципов в основании всех философий, или «вечной философии» по выражению Олдоса Хаксли, который считал, что *«философия – отыскивание сомнительных причин в обоснование того, во что веришь инстинктивно»*. Близка эта мысль и Анри Бергсону, для которого *«философия есть лишь сознательное и обдуманное возвращение к данным интуиции»*. Но хотя, по словам Людвиг Витгенштейна *«философия утверждает лишь то, что признает каждый»*, удовлетворить человечество способно существование только

многих философий, идей и проектов, которые взаимно дополняются, частично дублируясь, но не сливаясь. Как существует множество языков, на которых одна и та же мысль звучит по-разному, так нужны и разные языки для звучания истины. Философии способны разъединять людей так же, как языки, культуры, предпочтения в музыке и другие иррациональные приоритеты. «Единственно верная» философия не столько невозможна, сколько вредна, ведь она лишит работы новые поколения философов, а «быть философом» – это даже не профессия, а естественная потребность человека, чье сознание развивается. По словам Эпикура, *«как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет болезни из тела, так и от философии, если она не изгоняет болезни из души»*. Каждое новое поколение и каждый отдельный человек открывают мир по-своему, через свой опыт, набор образов и символов, создавая свои варианты мифологических бриколажей, или полноценных философий.

Личная философия, или личная мифология формируют не только представление о ценностном начале, но и о пути движения к нему. Ведь ценность является таковой, если она связана со всеобщим, соединяя личное с космическим. Поэтому дух/Сверх-Я/личная философия – нечто большее, чем часть индивидуальное сознание. Если сознание – живая система воспринимающего субъекта, то дух – система взглядов, рождающаяся в разных субъектах (в неравной мере) и поддерживаемая разными субъектами на добровольной основе.

1.2.2.6. Память и «сцена сознания»

Существует два направления работы сознания, одно из которых творческое, а второе нацелено на сохранение приобретенного ценного опыта. Если творчество – это игра, поиск лучшей формы, способа реагирования на вызовы, то итогом такого поиска должно стать обретение гармонии, удовлетворения, которым выступает нечто определяемое как ценное. Приоритет творческого указывает на поиск ценного, а приоритет памяти показывает, что ценное уже найдено и на передний план выходит задача его сбережения и преумножения.

«У души есть скелет, и этот скелет – воспоминания» (Милорад Павич). Как именно формируется память – вопрос открытый, ведь запоминаем мы лишь то, что считаем значимым. Но кто есть тот, кто так считает, по какой матрице формируется этот скелет души? Иногда мы запоминаем что-либо по усилию собственного разума, но значительная часть памяти формируется независимо от нашего желания. Как правило, наиболее яркие и впечатляющие воспоминания закладываются в детстве, когда наше сознание еще слишком слабо, зато сильно влияние природных психических программ.

Перекокс сознания в сторону накопления чужого опыта имеет много общего со снобизмом —преклонением перед авторитетными мнениями. Но умеренная доля снобизма необходима каждому культурному человеку. Например, начитанность мы скорее оценим как положительное качество человека, хотя следующим этапом такого пристрастия обычно становится снобизм. Георг Лихтенберг писал, что при обильном чтении *«наша память становится обыкновенно хозяином наших чувств и вкусов; поэтому-то нам часто необходимо большое усилие мысли, чтобы вернуть первобытную невинность нашему чувству, найти себя среди мусора чужих мыслей и взглядов, чтобы самим начать чувствовать и говорить и, я почти готов сказать, чтобы начать когда-нибудь самим существовать»*. Но именно чтение позволяет познакомиться с ощущениями, которые в реальной жизни нам недоступны по разным причинам (например, в силу возраста, или географической привязки). *«Жизнь познается из книг и произведений искусства, быть может, еще в большей мере, чем из самой жизни»* (Теодор Драйзер).

Творческую часть сознания я предпочитаю называть «сценой», на которой мы своей волей, или при участии других волей, «разыгрываем спектакли» – мыслим, фантазируем, вспоминаем, переживаем. Содержание этих спектаклей может быть двояким – это либо воспоминания

вание, прокручивание перед внутренним взором хроник своей жизни, либо фантазирование, где прокручиваются вымышленные картины.

Иногда это «спектакли по мотивам реальных событий», но с долей вымысла. Любая идея, или план, который мы хотим воплотить, являются таким спектаклем с реалистичной основой. Например, спектакль, в котором мы идем привычной дорогой на работу – это будничная постановка, где актеры играют на автомате, а роли заучены на зубок. Но там, где мы работаем с новыми идеями, строим планы, на сцене сознания появляются непредсказуемые персонажи, с которыми нужно лучше познакомиться, понять их. Играть сложные спектакли мы учимся во внешнем мире, где приходится угадывать чьи-то невысказанные мысли, оценивать мимику и жесты. Поэтому героями внутренних спектаклей могут выступать как наши знакомые, так и вымышленные персонажи.

Персонажами спектаклей могут быть и абстрактные идеи. Глупость, совесть, зло, богатство, их противоположности и еще сотни других понятий, которые мы усвоили как идеи, являются фигурами, или тенями, возникающими на внутренней сцене сознания. Чаще всего эти идеи нами примеряются на себя, на близких и знакомых, но могут существовать и как пустая форма, без ясных очертаний, как потенциальные силы. Мы предсказываем последствия своих, или чужих поступков в реальности лишь потому, что над нами все время витают эти призрачные идеи.

Чем больше на «сцене» происходит работы с проектами, возможностями и абстракциями, тем сильнее развита творческая составляющая сознания. Если же на «сцене» преобладают воспоминания, «хроникально-документальные фильмы», тем сильнее связь «сцены» с памятью и тогда можно говорить о преобладании догматической составляющей в сознании. Возможен и третий вариант – когда «сцена» имеет сильную связь с бессознательным, которое заполняет ее образами, не находящимися в нашей воле. Обычно это происходит во снах, когда наша «внутренняя сцена» (ключи к которой, таким образом, хранятся не только у оператора сознания) оказывается во власти бессознательного. Некоторые сновидения мы склонны воспринимать как своеобразные послания сознанию, но они могут быть такой же игрой фантазии бессознательного, как и многие спектакли сознания, которые разыгрываются нами просто для собственного удовольствия.

1.2.2.7. Сознание и переживания

«Сцена», или «внутренний взор» является не только частью сознания, но и связующим звеном между ним и восприятием. Мы воспринимаем спектакли своего разума (как и сновидения) аналогично слуху, зрению, осязанию и т. д.

Обычно эти внутренние спектакли называют переживаниями. Сознание способно переживать как то, что действительно случилось, так и то, что может случиться, или случилось не с нами – а это уже творческая работа «сцены», где разум способен создавать собственный эксклюзивный продукт и поставлять его восприятию. Поэтому и чтение книги, и просмотр фильма, и собственные фантазии могут порождать нервные физические реакции, сходные с теми, которые происходят от воспринятого из внешней реальности. Такие переживания – чисто человеческий тип ощущений, прямо связанный с наличием сознания и его развившейся способностью работать с информацией.

Наши устойчивые переживания часто связаны с непониманием чего-то, или с отсутствием решения у проблемы. Например, частым объектом переживания выступает смерть – чужая, или собственная – как потенциальная проблема, не имеющая решения. «Переживать» обычно означает повторять, прокручивать какое-то событие, или факт, представление о нем «у себя в голове». Такие переживания аналогичны кастанедовскому индугированию. В концепции Кастанеды этот психический процесс – энергоемкое и бесполезное занятие. Вероятно,

с точки зрения животного, индальгирование – действительно непозволительная психическая роскошь. Но с позиции психоделической природы сознания (о которой будем говорить ниже) индальгирование является своеобразной наградой (не только в виде удовольствия, но и в качестве наказания, страдания) за обладание разумом.

Разум может жить переживаниями, поскольку они впечатляют его, но это занятие также отвлекает сознание от более актуальных занятий. Но если говорить о структуре нашей памяти, то лучше всего запоминается то, что вызывало интенсивные переживания. Память состоит из пережитых, пережеванных переживаний. А поскольку самые яркие переживания связаны с непониманием, то память позволяет нам мысленно возвращаться к точкам конфликтов между познающим разумом и сопротивлением этому познанию со стороны действительного. Иногда, возвращаясь в эту точку, мы можем, переживая что-то вновь, переоткрыть реальность, соединяя это старое с открывшимся позже. Когда мы ощущаем, или нам кажется, что мы что-то поняли, это понятое отправляется в архив, содержимое которого редко возвращается на сцену сознания. Понятое не трогаёт больше нас, становится практически невидимым, поскольку не вызывает переживаний.

Не «многие знания» являются источником «многой скорби», а недопонимание, то есть стремление к знанию, которое пока не дается, а потому не приводит нас к гармонии, становясь причиной фрустраций. Другой причиной «скорби» сознания могут служить те индивидуальные знания, которыми трудно с кем-то поделиться. Часто главной проблемой творческого разума становится перевод личных переживаний, или открытий на общепонятный язык, превращение субъективного/ внутреннего в объективное/ внешнее. Видимо, из-за такого рода переживаний Достоевский писал: *«я уверен, что человек от настоящего страдания, то есть от разрушения и хаоса, никогда не откажется. Страдание – да ведь это единственная причина сознания»*. И хотя страдание – не единственная причина сознания, оно всегда сопутствует развитию разума, при этом, как правило, компенсируя такого же рода положительными переживаниями. Эти эмоциональные качели способны делать внутреннюю жизнь почти равноценной заменой жизни внешней, приводя к осознанию нашего со-бытия в двух мирах.

1.2.2.8. Психоделический характер сознания

Суммируя характеристики сознания, его природу можно определить как психоделическую. Понятие «психоделика» происходит от греческого «психе» – душа, и «делос» – ясный. В первую очередь под психоделикой понимают «ясность восприятия», или расширение каналов получения информации. А психоделическим опытом называют состояния, когда можно воспринимать – видеть, слышать, осязать – нечто недоступное в обыденном состоянии. В таком понимании психоделическими инструментами являются не только психотропные вещества, но и микроскоп, телескоп, телевизор, интернет или книга, ведь чтение тоже может вызывать «видения». Даже общение способно выступать психоделическим опытом. С помощью речи мы узнаем от других то, чего никогда не видели и не слышали. Сама потребность делиться информацией – признак избытка внутренних впечатлений, требующий выхода. Таким образом, качественное общение – обмен психоделическим опытом.

Известный исследователь мозга Т. Черниговская считает, что наш язык не слишком приспособлен для общения: *«99% людей считают, что язык – это коммуникация, но, похоже, что это не главная его задача. Крупнейший мировой лингвист Ноам Хомский уверен в том, что язык был создан не для коммуникации, а для мышления, а общение – это уже побочный продукт. Для коммуникации важно, чтобы было получено именно то, что передано, поэтому идеальный ее вариант – это азбука Морзе. Язык же невероятно многозначен, в нем одни и те же слова имеют противоположные значения в зависимости от слушателя. Это значит, что для коммуникации он плох»*. Многозначность языка, больше помогающая творческому воображе-

нию и мышлению, чем пониманию других, указывает на психоделический характер сознания, которое может находить источники для своего питания и расширения в себе самом. Язык лишь отражает это свойство сознания, делая возможными «коллективные сновидения» – переживания особого рода, связанные с многозначностью информации, которой мы обмениваемся.

Внутренний опыт переживаний, работа воображения и мышления делают каждое отдельное сознание уникальным, поэтому состояние сознания одного человека другими может восприниматься как измененное. И чем больше производится внутренней работы сознанием, чем богаче его воображение и воля, упорядочивающая и подчиняющая «образы сцены», тем очевиднее это сознание будет психоделическим – изобильным, избыточным своими смыслами, образами, знаниями и прочим содержанием. Таков в конечном итоге основной смысл психоделического – изобильность.

Альберт Хофманн в книге «ЛСД – мой трудный ребенок» пишет, что *«термин психоделический, который можно перевести как „проявляющий разум“ или „расширяющий сознание“, был предложен Хамфри Осмондом, пионером исследования ЛСД в США»*. Далее это понятие популяризовалось в работах Тимоти Лири и Олдоса Хаксли, предвосхитивших и подготовивших «психоделическую революцию» 60-х, выразившуюся в возникновении движения хиппи, увлечении восточными культурами, ЛСД, марихуаной, медитацией, в распространении новых направлений музыки.

Психоактивные вещества действительно совершили революцию в сознании и культуре. Не думаю, что европейская и американская культура имела бы сегодня такой дионисийский облик, какой обрела она после 60-х годов, когда запад познакомился с ЛСД, медитацией и прочими «расширяющими восприятие» вещами. Кажется, что в какой-то мере интерес к внутреннему космосу подвел черту под господствующим до этого интересом к космосу внешнему – к полетам на Луну, Марс, другим техническим прорывам во вне. Поэтому последующий технологический прогресс был все больше обращен к человеку и его внутреннему миру. Люди стали находить те эмоции, которые им доставлял «коллективный экстаз» (великие стройки, грандиозные проекты, в том числе социальные, к которым стоит отнести «строительство коммунизма» и «строительство Рейха») в веществах и медитациях, а позже – и в виртуальном мире. Думаю, что это правильно, ведь все еще не выполнено завещание древних греков: «Познай себя». А значит, рановато нам в далекий космос заглядывать. Но это уже отдельная тема.

Если психоделическое – все, что «расширяет сознание», то первейшим его примером является само сознание в тех своих проявлениях, которые мы называем творческими. Упомянутая «сцена сознания» служит «местом», где восприятие и сознание вступают в диалог, в котором само сознание способно быть источником нового опыта и знания для восприятия, а не только наоборот, как это бывает в «обычной психической жизни».

Психоделический опыт называют еще «измененными состояниями сознания», но тогда какое состояние сознания считать обычным? Очевидно, что любой человек переживает свое обыденное состояние сознания как рутинное и нуждается в периодическом вознаграждении за такой «опыт обыденности». Подобным вознаграждением выступает «праздничные состояния сознания», которые несут те или иные формы изобилия – как внешнего (окружение себя красотой, изобильное питание и т.п.), так и внутреннего (чтение, прослушивание музыки, собственное творчество, употребление психотропных средств). Стремление к роскоши, которое третируется моралистами многие тысячелетия, является одним из требований нашей психоделической природы, которая сама по себе роскошна, то есть превышает потребности обыденной жизни. Подлинная цель роскоши – обретение уникальности. Только материальная роскошь ближе к бриколажу – собирательству раритетов и красотостей, а роскошь сознания способствует выработке собственной философии.

На психоделический характер сознания указывает и «удвоение мира», благодаря которому мы можем мысленно находиться в другом месте и времени, жить «здесь» и «там»,

не только выражать свои чувства мысли, но и скрывать их. Еще одна психоделическая черта нашей психики – «множественность Я», где возможен внутренний конфликт, спор, или дружба и сотрудничество, способность раздваиваться на себя и Другого, сопереживать (эмпатия) и т. п. По выражению Анри Бергсона, *«наш жизненный путь усеян обломками того, чем мы начинали быть и чем мы могли бы сделаться»*. Это касается и внутреннего мира, где, кроме победившего образа себя, могут сохраняться наши потенциальные «я», репрессированные в ходе внутренних гражданских войн. Естественно, «сильный слабый Я» внутренне более богат и психоделичен, а потому непредсказуем, чем обладатель «сильной воли», построенной на подчинении какой-то идее, цели, интересу.

Сознание способно буквально питаться информацией, получая от этого удовольствие. Человек уже не столько воспринимает информацию, сколько работает с воспринятой информацией, домысливая то, чего не додали органы чувств. Развитые нейронные связи стали успешной заменой нюху, зрению, или слуху, которыми могут похвастаться те или иные животные. Мы даже научились переживать внутреннее сильнее, чем внешнее, уделять значительную часть своего внимания и времени переживаниям и удовольствиям, имеющим тесную связь с работой сознания. И направили свою эволюцию на обретение все большего объема свободного времени, которое по большей части затрачиваем на такие переживания и удовольствия.

Конечно, не любой психоделический опыт – продукт здоровой психики. Химические отравления, психические расстройства, физические повреждения могут стать причинами галлюцинаций. Но однозначных критериев, которые бы отделяли «здоровую психоделику» от «нездоровой» пока нет. Можно говорить лишь, что часть психоделического опыта мы принимаем добровольно и способны его контролировать (прекратить принимать алкоголь или психотропный препарат, перестать читать книги, слушать музыку, мечтать, рисовать, писать и т.д.), в других же случаях этот опыт обретает над нами власть. Хотя и такое разделение нельзя считать равнозначным здоровой и нездоровой психоделике, ведь сны мы тоже не контролируем, да и воля может оказаться подчиненной внешним воздействиям, о чем мы даже не догадываемся. Например, некоторые паразиты, поселяясь в теле, способны влиять на поведения животных или человека. Поэтому участие сознания и воли в контроле психоделического опыта можно считать «смягчающим обстоятельством» при его оценке.

«Сцена» нашего сознания тоже имеет дело с психоделическими по своему характеру явлениями. Особенно это касается «будоражащих воображение» образов и идей. Чем более развито воображением, чем больше репертуар «сцены», тем сильнее психоделическая составляющая сознания. В основе такого психоделического опыта лежит субъект-субъектный характер связи между волей и явлениями на «сцене». Обычно это происходит до тех пор, пока эти явления не понятны; найдя им объяснения, мы отправляем их на полку «познанное» – в память.

Можно говорить о диалектике (то есть диалог) знания и понимания, где понимание – волевой процесс, направленный на познание чего-либо, а знание – все то, что сознание уже определило для себя как понятное, а потому не актуальное. Все, на что разум направляет свои усилия, выступает для него субъектом, ведь субъектность определяется способностью сопротивляться. Чем сильнее что-либо сопротивляется (в том числе и познанию), тем выше его субъектность. Соответственно, чем больше творческой работы совершает разум, тем чаще он сталкивается с субъектностями, принадлежащими миру образов, идей, физических свойств и т. п. Любое настоящее познание происходит через такое субъект-субъектное общение, даже если источником ответов, получаемых разумом в этом диалог, выступают неживые предметы.

1.2.2.9. Психоделическая теория происхождения сознания

Психоделическим инструментом является и сам мозг, способный вырабатывать вещества, сходные с растительными опиатами. Вполне вероятно, что появление человека разумного стало итогом знакомства наших предков с растениями или грибами, стимулирующими психику, расширяя возможности восприятия. Именно так выглядит одна из теорий возникновения сознания – «гипотеза упоротой обезьяны».

Сложность вопроса происхождения сознания связана с тем, что он находится на стыке разных наук – биологии, психологии, лингвистики, истории, а также философии. Теорий возникновения сознания и антропогенеза существует много, при желании их обзор легко найти в интернете. Практически все эти гипотезы сводятся либо к мутации, рассматривая сознание как эволюционный скачок, либо к креационизму, или панпсихизму. Своеобразным мостиком от эволюционной мутации к панпсихизму выглядит психоделическая теория. Апологетом этой концепции был Теренс Маккенна – антрополог, исследователь роли психотропных веществ в развитии культуры. По мнению Маккенны, толчок развитию сознания дало употребление психоделических грибов первобытными людьми.

В книге «Пища Богов» Маккенна определяет два основных феномена, обусловивших превращение наших животных предков в человека – язык и воображение. Воображение антрополог не отделяет от познавательной деятельности, понимая ее как широкий спектр разнообразных видов человеческой практики, таких, как танец, философия, живопись, поэзия, спорт, размышление, эротическая фантазия, политика и экстатическое самоопьянение – все, что можно называть экстазом (выходом за пределы себя), или «измененными состояниями сознания» (ИСС).

С «гипотезой упоротой обезьяны» согласуется и высокая роль психотропных растений, ритуалов, связанных с ИСС, а также специалистов, впадающих в транс для контакта с иным (шаманов, о которых мы будем еще говорить) у первобытных народов. Опыты, проводившиеся биологами на крысах, подтверждают мысль, что потенциальные наркоманы демонстрируют повышенную исследовательскую активность [6].

А вот язык Маккенна считал инструментом не столько общения, сколько подавления индивидуальной психики. Тем самым сознание превращается в болезненный дар эволюции, за обладание которым мы платим повышенной конфликтностью, войнами, неприятием иных культур. Негативное отношение к языку, или «семантическому контуру» выражал и Роберт Уилсон, автор «Психологии эволюции», агностик и последователь взглядов Альфреда Кожибски и Тимоти Лири. Суть этих идей заключается в утверждении, что наше познание ограничено, во-первых, структурой нервной системы и, во-вторых, структурой языка. Психоделический опыт можно считать попыткой вырваться за пределы этих ограничителей. Хотя психоделическое и породило язык, психонавты (шаманы, поэты, философы и т.п.) никогда не находят его окончательно сформированным, достаточным для выражения всех ощущений, поэтому постоянно дополняют язык. Процесс создания новых слов можно здесь сравнить с печатанием денег, не подкрепленных развитием экономики. Возникает ситуация, когда многие люди могут пользоваться словами, не понимая их смысла. Что приводит к их инфляции и необходимости все новой словесной «эмиссии», которую производят психонавты.

Карл Юнг тоже видел в сознании источник большинства человеческих проблем, называя его «данайским подарком культуры». По его словам, *«отступление от инстинкта и противопоставление ему себя образуют сознание»*, то есть сознание замещает более ранние психические программы, как природу замещает культура, но в рамках конкретного индивида.

Хотя сознание – эффективный инструмент по решению проблем, оно умеет создавать новые проблемы, иногда практически «на пустом месте». Вместе с тем, сознание способно

уберечь нас не только от опасностей, с которыми мы сталкиваемся здесь и сейчас, но и подготовить к встрече с возможными, будущими проблемами. Можно считать сознание и нашим проклятием, и божественным даром, без которого человек уже невозможен.

1.2.2.10. Эволюция и сознание

Хотя эволюция вершится популяциями, она всегда начинается в конкретных организмах. То же касается эволюций социальных и культурных, совершаемых индивидуальными сознаниями и лишь затем поддерживаемых обществом или группой. Ни один коллектив, даже если он состоит из академиков, не обладает разумом, аналогичным разуму любого из его членов.

Сторонники гегельянских идей (марксисты, фашисты) скажут, что двигателем эволюции является какая-нибудь трансцендентная сила, а субъектом – популяция, вид, а не особь. А потому особь должна подчиняться большинству, а не «качать права», стать частью единого организма субъекта-группы (класса, нации, партии, расы и т.п.). Но, как правило, если говорят о патриотизме, значит, собираются что-то украсть (почти дословная фраза Салтыкова-Щедрина). В данном случае воровство уже совершается – у субъекта отнимают его права, данные природой. В первую очередь это право распоряжаться своей жизнью. Субъект сам должен принимать судьбоносные для себя решения, в том числе и то, жертвовать ли ему ради коллектива, сколько бы ему ни нашептывал такую программу поведения открытый (или изобретенный?) Докинзом «эгоистический ген», так удачно ложащийся в канву гегельянских идеологий. Обладатель сложного сознания менее зависит от любых жестких программ, будь то природные законы, или культурные их заместители. Поэтому там, где лемминги резво скачут в пропасть с обрыва, человеку свойственно задуматься и не идти на гибель, даже если к этому призывают авторитеты и очарованное ими большинство. Впрочем, выбор всегда остается за субъектом, и он может быть парадоксальным и сложным.

Главное занятие сознание – совершение выбора, благодаря которому субъект не только бы достигал своих целей, но и разумно ставил их. Чем больше возможностей выбора видит сознание, тем оно более развитое. Так эволюция сознания, которая совершается индивидуально, в рамках одной жизни, расширяет не только наши возможности выбора, но и потребность в выборе, превращая свободу и волю из роскоши в необходимость.

Сознание – инструмент нашей личной эволюции (а иногда и революции, если мы оказываемся захваченными какой-то целью). И если оно стремится к усложнению, то лишь ради блага более высокого, эволюционного порядка, плодов которого мы пока оценить не можем. Эти эволюционные дары можно назвать «подвигами духа» – высшими проявлением деятельности сознания. Любой «подвиг духа» имеет целью преодоление разного рода ограничений, а в идеале – конечности нашего бытия вообще.

Каждое столкновение человека с миром что-то меняет и в мире, и в человеке, пусть и на микроуровне. Как уникальных личностей нас формирует особенный опыт – цепь вызовов, которые мы пережили, и ответов на них. Конечно, большинство переживаемых нами ситуаций довольно типичны, как типична и наша реакция на них. Но факт существования эволюции в природе, исторического развития и прогресса в сфере знаний и умений человека убеждают, что кроме унылого хождения по кругу типичных ситуаций и реакций, иногда происходят и условные «подвиги духа» – акты выходов за пределы известного, расширяющие границы человеческого. Суть и цель эволюции – выживание через изменение, а значит, любой эволюционный акт является преодолением себя прошлого и созданием более успешного, свободного, сильного и т. п. Поскольку эволюция – явление всеобщее, космическое, то каждый «эволюционер» выступает проводником этой творческой силы.

«Топливом» эволюции является свобода, способная породить все новое. Каждый эволюционный акт выглядит как выход за рамки существующего, открывает новые горизонты воз-

возможностей. Если считать жизнь стремлением к наиболее полному раскрытию своих желаний и возможностей, то подчинение и рабство – маленькая смерть. Иногда это влечет смерть буквальную, в других случаях – смерть как отказ от своей воли, от возможности становиться сложнее.

Степень свободы у разных существ и субъектов различна, но эволюция выступает процессом расширения, или «перетекания» этих возможностей по мере усложнения (или просто изменения) организма, сознания, а иногда и среды. Поэтому, у бессмысленного на первый взгляд вопроса, «в ком больше жизни: в амебе, или в человеке?», есть ответ – в человеке. Та цепь эволюционных перемен, которую прошел человек, гораздо длиннее, чем у амебы и других видов, сохраняющих себя в неизменности миллионы лет.

Если говорить об обществе, то в человеке более свободном больше жизни, чем в рабе, или том, кто избегает свободы. Даже если свободный проживет меньше, но свободная жизнь – настоящая, а жизнь раба сковывается страхами, оставаясь формой подчинения идее смерти, некрофилией. Поэтому боги рабов – это всегда боги смерти и устрашения. А боги свободных несут любовь и проповедуют освобождение от страхов. В большинстве успешно развившихся религий обе стороны божественного парадоксальным образом слиты, поэтому в них каждый видит своего, привычного его восприятию бога.

Хотя под рабством имеется в виду, прежде всего, состояние сознания, духа, а не тела, само тело в большинстве религий видится темницей. Это символ косного прошлого, соединяющего нас с менее свободным миром природы, с животными предками. И потому «более телесное» сознание, служащее навязанным кем-либо (в первую очередь природой, во вторую – обществом) программам, справедливо рассматривать как менее свободное.

1.2.3. Проблема свободы воли

Существование свободы воли стоило бы назвать главным вопросом философии. Все другие «главные вопросы» вытекают из того, действует ли где-либо свободная воля, или везде царит необходимость и предопределенность. Знаменитый «основной вопрос» материалистов – «что первично: материя или дух?», звучит странно для тех, кто не считает деление бытия на материю и дух существенным. Материя и дух – скорее умозрительные абстракции, актуальные больше для богословской мысли, чем для философии, а с проблемой свободы и воли мы сталкиваемся каждый момент сознательной жизни.

Обычно любая наука пытается играть за команду детерминистов, то есть против свободы воли. А вот философия может играть за обе стороны. Но по выражению Павла Флоренского, *«идеализм – стихия философии, и, лишённая этого кислорода, философия задыхается, а затем увядает и гибнет»*. Действительно, трудно считать материализм философией, это скорее филиал физики, радикальное ответвление позитивизма – идеология, направленная против философии как явления, пытаясь подчинить ее науке. У материалистов тяжелые отношения с волей и свободой, ведь материя как таковая не имеет подобных свойств.

Но вернемся к детерминизму. Любая причинно-следственная связь «познается» нами задним числом. Как писал Людвиг Витгенштейн, *«выводить события будущего из событий настоящего невозможно. Суеверие – вера в такую причинную связь. Свобода воли состоит в том, что поступки, которые будут совершены впоследствии, не могут быть познаны сейчас. Знать о них можно было бы лишь в том случае, если бы причинность – подобно связи логического вывода – представляла собой внутреннюю необходимость»*. Принцип свободной воли не отменяет детерминизм, но делает его не столь механически фаталистичным. Никто не может быть абсолютно свободен, но у каждого субъекта в каждый момент времени/взаимодействия-с-бытием есть индивидуальная мера свободы. Не отрицая, что субъект может поступать под влияниями извне (по необходимости), он может также и разрывать цепь причин и следствий, создавая новые причины, формирующие уже новые цепочки причинно-следственных связей (новые необходимости). Сознание может выступать точкой такого разрыва или психической программой по «разрыванию мира». Естественно, не все на это способны в одинаковой степени, но каждый мог ощущать себя «витязем на распутье», когда от принятого решения меняется вся дальнейшая жизнь. Любая творческая задача включает в себя множество подобных бифуркационных развилки, только эти квесты по большей части остаются достоянием внутреннего мира витязя, совершающего путешествие внутри себя.

Любое суеверие или мистическое учение, чем и является детерминизм, опираются на идею, что мы просто не знаем всех фактов, влияющих на наш выбор. Но полное знание всех фактов и невозможно. Даже там, где факты кажутся нам известными, знания остаются фрагментарными. И в точных науках, имеющих дело с идеальной категорией – числами – мы видим приблизительность знаний. Например, мало кто сможет воспроизвести с высокой точностью число Пи. Или, если взять математику для первого класса, где Петя дал Васе два яблока, и у него их стало три, мы берем только идеальное представление о «яблоке как таковом» (Платон назвал бы это «яблочность»), не зная, были ли эти яблоки красные или зеленые, кислые или сладкие, червивые, спелые и т. п. Любое наше знание пренебрегает огромным количеством условий и фактов, чтобы добиться математической точности. Тогда чем оперирует математика? Только отдельными аспектами знания, которых, однако, оказывается достаточно для выявления некоторой истины. А значит, большая доля причин не оказывает на ход событий никакого влияния, или это влияние мизерно. Играть роль только существенные причины, между которыми пролегает пространство свободы и проявления свободной воли, которая сама по себе является тоже существенной причиной, но уже зависящей от выбора субъекта.

Здравый смысл должен делать нас сторонниками свободы воли не только из-за невозможности постичь все причины, ограниченности наших знаний. Свобода воли – не обязательно признак невежества, но она оставляет человеку право на неведение и действие на свой страх и риск. А вот идея детерминизма, подхваченная массовым сознанием и пропагандой, становится опасной, склоняя к механическому и упрощенному пониманию социальной и психической реальности.

1.2.3.1. Воля – трансцендентное и рациональное

Чтобы говорить о парадоксе свободы воли, нужно провести границу между собственно свободой и волей. Известная формула «свобода есть осознанная необходимость» многих ставит в тупик, поскольку выглядит иезуитской. Но все окажется понятней, если заменить в данной формуле свободу на волю. Именно воля является осознанной необходимостью, она побуждает к необходимому действию, вытекающему из осознания. А вот процесс осознания является как раз синонимом свободы. Как всякий парадокс и любая сила жизни, свобода и воля подвижны, напоминая сообщающиеся сосуды, или даосские принципы «ян – инь».

Есть соблазн вывести этимологию «свободы» из корней «свой» и «обод», и тогда ее смысл совпадет с пресловутой сартровской «дырой размером с бога» в душе, которую каждый волен заполнять по-своему. Дыра это свобода, наличие которой – признак внутреннего экзистенциального разрыва человека между природным и культурным, бессознательным и сознанием и т. п. А процесс выбора по заполнению дыры – воля как признак выработки собственной стратегии поведения, способности договариваться внутри себя с различными частями себя.

О свободе нужно говорить двояко. Во-первых, это абсолютная свобода как пустота и небытие, она недоступна никому из сущих, но важна для нас как идея. Во-вторых, свобода относительная и всегда особенная, индивидуальная, данная каждому существу в его конкретном восприятии (здесь и сейчас) и деятельности.

Свобода по своей сути мистична и иррациональна, поскольку она не содержит никакой определенности, знания (хаос – отсутствие знания). *«Свобода – это такая мысль, которая, хотя мы её и высказываем и отводим ей известное место, на самом деле не может быть нами отчётливо мыслима. Следовательно, учение о свободе мистично»*, – в этой фразе Артура Шопенгауэра речь идет о состоянии мысли, когда она лишь начинает оформление в первозданном хаосе, пребывая в динамическом процессе осознания, а не окончательного знания/понимания. Поэтому свобода – это «мысль немислимая», плавающая в предсознательном бульоне, которая только благодаря воле мысль приобретает форму ясной идеи. В трактовке Мартина Хайдеггера, этот бульон соответствует «сказу», из которого формируется высказывание: *«Язык, который говорит, чтобы сказать, озабочен тем, чтобы наша речь, слыша несказанное, отвечала его сказу. Так что даже молчание, которое люди склонны подчинять говорению как его источнику, есть уже некое соответствие»*. Свобода может быть как молчанием, так и состоянием неопределенности, «бульканьем бульона», а вот воля и есть «озабоченный язык», она всегда – деяние, акт, нацеленный во внешний мир, даже если этим миром остается пока только собственное сознание (или часть его – «сцена сознания»).

Воля конкретна и рациональна. Воплощением воли будет, прежде всего, идея (или высказывание), а во вторую очередь – действие по осуществлению идеи. Воля, осуществленная из своей свободы, выступает экспериментом разума, приносящим какое-то знание – либо негативное (если итог действия заканчивается неудачей), либо позитивное (в случае успеха). Поэтому акты воли способны формировать новые границы свободы, расширяя пространство знания. Но порция новой свободы – это уже новая конфигурация неведения, дающая очередную пищу для творческого осуществления своей воли. Та воля, что происходит не из своей

свободы, не из неведения, не вносит в мир ничего нового. Таков любой самоповторяющийся процесс, протекающий по стандартным схемам.

Синоним свободной воли – своя воля. Согласно Ницше, *«несвободная воля» – это мифология: в действительной жизни дело идёт только о сильной и слабой воле*. Если существует субъект, то существует и его воля, даже если этот субъект выступает в качестве орудия природы, или социума, принимая их волю как свою.

Своя воля – это силы, направленные на обретение новых знаний и опыта, а они в свою очередь дают новое пространство для свободы в виде идей. Свобода – это вопросы, а воля – ответы. Обычная духовная эволюция выглядит как восхождение по ступенькам вопросов и ответов. Но кто-то может быть богат и одними вопросами (свобода без воли). А вот об обратном говорить уже сложнее – нельзя давать ответы, не имея вопросов; нет своей воли без свободы. Иначе это уже чужая, навязанная воля (знание от авторитетов, деньги от предков, время, данное природой и т.п.).

Стоит говорить о двух формах свободной воли. Первая, базовая, характеризуется движением в фарватере желаний, направлена на создание необходимых условий жизни субъекта, служа нижним этажам пирамиды Маслоу. Это воля к существованию, без которой либо субъекта-носителя воли не будет вовсе, либо он будет подавлен и угнетен, поставлен на грань выживания и все его силы будут уходить на самосохранение.

Вторая свободная воля движется в фарватере идей. Это исключительно продукт сознания, становления человека как познающего и самоактуализирующего субъекта. Природа деятельности этой воли напоминает Мюнхгаузена, который вытаскивал себя из болота, схватив за волосы. Только в данном случае мы вытаскиваем себя из себя же. Ницше в «Пот ту сторону добра и зла» сказал о проблеме свободной воли так: *«Желание „свободы воли“... желание самому нести всю без изъятия ответственность за свои поступки, сняв ее с Бога, с мира, с предков, со случая, с общества, – есть не что иное, как желание быть той самой causa sui и с более чем мюнхгаузеновской смелостью вытаскать самого себя за волосы в бытие из болота Ничто»*.

Вторая свободная воля – творческая сила, основанная либо на достаточном знании предмета, к которому она прилагается, либо на сильной вере, или ощущении, интуиции, стремлении узнать предмет. Хотя не все плоды своей воли удачны, ошибочные ходы тоже являются необходимой частью процесса познания, а тот, кто ничего не совершает, не ошибается, но ничего и не познает.

Но как первая, так и вторая своя воля остаются чем-то неуловимым, трансцендентным по отношению не только к объекту ее приложения, но и собственному субъекту. Базовая воля отстранена от своего носителя, потому что диктуется природой в нас. И даже когда «Я», то есть центр принятия решений, мыслит, то подчиняется ли мысль его воле, или «Я» просто запускает мышление, следующее своим путем, как охотник отпускает собак по следу зверя? А. Пятигорский считал, что *«это мысль мыслит, только условно называясь «мыслящим»*. Воля «Я» использует свое сознание как инструмент. Без внутреннего раздвоения субъекта, отделения ядра субъектности от подчиненных ей частей, невозможно ни одно наше действие. Но всякая «подчиненная часть» обладает своей субъектностью, отдельной волей, хотя и служит единому организму. Поэтому, в каждом конкретном случае выбор воли «Я» непредсказуем, ведь на самом деле мы имеем дело с ансамблем волей разного порядка. Даже если статистически определим, что в 99% случаев данный субъект мотивирует свой выбор требованиями культуры или природы (которые, в свою очередь, являются сообществами волей), остается 1% на случай, когда что-то пойдет не так.

Наши волю, сознание, мышление, восприятие стоит рассматривать как отдельные психические программы или проявления разума, который не обязательно подчиняется нам, а способен проявлять некоторую самостоятельность. Но слаженность их действий, их развитие, зави-

сят от пользователя, особенно при условии использования им обеих своих волей – базовой и свободной.

Продолжая аналогию психики с компьютером, можно сказать, что кто-то предпочитает использовать свой комп только для получения мультимедийных удовольствий, для игр, направляя на это порой неслабую мощь имеющейся у него машины. Другие, оперируя даже меньшими объемами памяти и процессора, нацеливают работу своего компьютера на решение прикладных задач. Наконец, есть те, кто использует компьютер для творчества или программирования. Чем больше творческих задач ставит перед собой разум, тем большее развитие получает его свободная воля.

1.2.3.2. Относительность свободы воли

Как первая, так и вторая своя воля имеют индивидуальную интенсивность и пределы. Никто не может быть вполне свободным от своей природы, прошлой цепи выборов и внешнего существования, накладывающих ограничения. Сама субъектность является ограничением, ведь она утверждается через определенные границы. Но соблюдение границ – условие зарождения своей воли. Если твои границы нарушаются, ты живешь в ожидании их нарушения, твоя воля не может быть свободной. Тобой будут двигать страхи, агрессия, стремление уйти от давления, либо дать ему отпор. Гармония, поиск равновесия свободы и воли составляет одну из проблем человеческого. Там, где будет преобладать волевое начало без свободы, следует говорить о доминировании животного начала, а там, где преобладает свобода без воли – растительного. Парадокс свободной воли в том, что она сближает нас с растениями и животными одновременно, заставляет совершать путешествие в глубины психического, встречая на этом пути разные сущности из своего прошлого.

Освобождение от какого-либо давления и достижения покоя, гомеостаза – цель не только человеческого, но и любого движения жизни. Не зря популярно выражение «лень – двигатель эволюции», а один из патриархов экзистенциализма Габриэль Марсель писал: *«Есть то, что называют жизнью, и нечто другое, что называют существованием. Я бы выбрал существование»*. Жизнь – то, что уподобляет нас животным; она не лояльна к нам, требуя активной деятельности. А существование позволяет уподобиться объекту или растению, избегая совершения выбора. Принадлежащий жизни постоянно выходит за свои границы, а адепт существования ориентирован на пребывание в своих пределах. «Пребывать в границах» – примерно то же, что «заниматься надежанием» в терминах дзен-буддизма. Надежание не означает небытия или потери субъектности, если сохраняются границы. Например, шахматная фигура, которая просто стоит на поле, пребывает в надежании, но воздействует на ход партии. Человек, не голосящий на выборах, может влиять на их исход. Наблюдающий может влиять на выбор действующего.

Покой, отсутствие желаний и страданий служат вознаграждением за бездеятельное существование. Поэтому жизнь также вынуждена вознаграждать активность организмов ощущением удовольствия. По словам Карла Юнга, *«свобода воли заключается в возможности делать с удовольствием то, что я должен делать»*. В такой интерпретации это животная воля, которая лишь избавляет от давления, создаваемого жизнью. Она не свободна, а лишь устремляющая своего субъекта к освобождению от любых причин и давлений – к безмятежному гомеостазу. Такая воля не только награда за эволюционную сложность, но и работа, в значительной степени напоминающая сизифов труд, потому что гомеостаз и удовольствия, даруемые нам жизнью, кратковременны. Но сказать, что работа воли совершенно бессмысленна, нельзя. В определенном временном промежутке наша деятельность имеет смысл и дает плоды в виде освобождения. Иногда этот смысл и новая свобода живет несколько минут, иногда годы, иногда века. Каждый частный смысл является индивидуальной формой выражения какого-то

более длительно существующего смысла. Вполне возможно, что должны существовать и вечные смыслы, относящиеся к основам существования бытия.

Компромиссы с собственной жизнью, как и с жизнями других – важный ограничитель для воли. И хотя свободная воля в абсолютном выражении нам недоступна, она необходима как ориентир, точка опоры для рычага вне мира, о которой мечтал Архимед, чтобы перевернуть мир. Нужно опираться на доступные аспекты воли, чтобы достичь цели любых наших поступков – освобождения. Условием освобождения выступает самопознание, чаще всего выглядящее как цепь опытов над собой. Чем шире горизонт восприятия и больше волевой, творческой деятельности осуществляет субъект, чем сильнее он принадлежит жизни, тем шире пространство не только его свободы, но и зависимостей. Чем меньше человеку нужно, чем более он на стороне существования, тем свободнее.

1.2.3.3. Знание и осознание

В уста своему персонажу Ивану Карамазову Достоевский вложил фразу: *«Если бога нет, значит все можно»*. Перефразируя, можно сказать: «если свободы воли нет, то ничего нельзя». Отрицание свободы воли легитимирует любую власть как систему, объявляющую себя главным носителем и мерилем истины. Ведь раз свободы воли нет, то каждый человек должен... А вот что именно он должен, об этом знают лишь «знающие истину». Не важно, называют ли их жрецами, исполняющими волю богов, учеными, открывшими тайны природы, или идеологами, установившими «единственно верную» философию. Главное, что эти «знающие» обладают монополией на истину. Чаще за такими истинами скрывается лицемерие, хотя «знающие» могут действительно верить в непогрешимость своего метода.

Поэтому между «незнайками» и «всезнайками» более симпатичным типом выглядят первые. Эта симпатия выражена и во фразе Сократа «я знаю, что ничего не знаю», и в библейском «блаженны нищие духом», и в «Похвальном слове глупости» Эразма Роттердамского, и в популярных сказках про дурака, с которым случаются чудеса. Носовский Незнайка – один из таких архетипических образов дурака, близкого к иному миру. Речь идет как минимум о мире незамутненного знанием восприятия. Ведь знание – это зона комфорта и гомеостаз для воли, а свобода, порождающая творческую волю, ближе к чистому восприятию. Но с учетом того, что абсолютная свобода есть пустота, воспринимать в ней нечего. Поэтому как максимум, это мир небытия. Освобождение в своей конечной идеальной точке является стремлением стать либо всем, либо никем, избавившись от любых ограничивающих атрибутов.

Между полюсами знания и незнания расположилось пространство их диалогического взаимодействия – понимания. Сказочный дурак, обретающий мудрость, выступает посредником между знанием и незнанием, осуществляя понимание. Естественно, это качество архетипического «дурака-мудреца», потому что существуют и просто дураки без какого-либо секрета – люди, лишённые стремления понимать, либо считающие, что понимают уже достаточно. Именно такие дураки предстают как «нормальные» люди.

Сократовское «я знаю, что ничего не знаю» и декартовское «мыслю – значит, существую» – две главные идеи, между которыми снует челнок европейской философии. Из них родился дух просвещения и вера в науку (позитивизм). Но человеческий рационализм этим духом слишком преувеличен.

Знания, которыми невозможно воспользоваться, выглядят как лишние и потому способны вызывать «многую скорбь». Такие знания подвигают в вакууме непонимания, а потому непредсказуемы по плодам своим. Общество, а часто и сам первооткрыватель, еще не готовы к такому знанию. Особенно же вера в безграничную силу разума пошатнулась в XX веке, когда технологии уничтожения и эксплуатации людей достигли особой изощренности именно под руководством науки и под знаменами разума. Сократовское сомнение обрело новое звучание –

теперь это сомнение в возможности знания как такового, что и получило отражение в философии постмодернистов. Фактически мы снова вернулись к истоку – к Сократу.

Мысль Сократа «я знаю то, что ничего не знаю» всегда актуальна, потому что философия начинается с сомнения и ревизии всех представлений, которые мы принимаем за знания. Некритически принятая информация, минуя «сцену сознания», сразу отправляется в архив. Как правило, в качестве знания сохраняется только полученное из источников, которые мы признаем авторитетными. Поэтому, когда авторитеты утверждали, что небесная твердь состоит из камня, поскольку на землю падают метеориты, это было знанием. Сегодня авторитетные источники утверждают что-то другое, и большинству снова остается лишь принять это на веру.

На самом деле мы не знаем, когда состоялось Бородинское сражение и что Волга впадает в Каспийское море. Вероятно, мы сможем это узнать, если увидим своими глазами аутентичные исторические источники, а также непосредственно прокатимся по Волге и удостоверимся, что она втекает в Каспий. Но понимая, что этот путь слишком труден и энергозатратен, мы считаем более разумным просто верить авторитетам. Поэтому значительная часть наших знаний – только вера в чужое знание.

Мы подлинно знаем только воспринятое непосредственно. А это довольно узкий набор информации. Но даже эти знания слишком специфичны и субъективны, если они не находят подтверждение в других источниках. Например, солдат, находящийся на поле битвы, вряд ли может это событие верно оценить, поскольку имеет слишком узкий угол зрения. Он многое действительно знает на личном опыте, но отложенная в памяти информация может оказаться ложной из-за того, что мы склонны что-то преувеличивать, что-то преуменьшать, а также путать собственные впечатления с навязанными знаниями, ценностями и идеологиями. Мы не знаем – подлинно ли мыслит этот солдат, или его восприятие привыкло барахтаться в предсознательном бульоне, где крепкий сон критического разума способен порождать самых разных чудовищ. Поэтому не удивительно, что средневековые путешественники видели на далеких островах людей с песьими головами. Они воспринимали увиденное сквозь призму привычных им представлений. Хотя это лишь субъективные матрицы, застилающие чистый взгляд. О битве, в которой побывал солдат, гораздо больше знает полководец, находившийся поодаль и наблюдавший за всем в бинокль. Или военный историк, изучавший документы и воспоминания многих очевидцев.

Круг чистых знаний оказывается довольно ограниченным. А знания из авторитетных источников могут считаться объективными лишь благодаря многократным перекрестным ссылкам. Но если мы не можем проверить достоверность этих ссылок (они могут быть сфальсифицированы кем-то в своих интересах), такие знания остаются под сомнением.

Хорошей иллюстрацией осознания является известная притча о слепцах, которым предложили описать слона. И поскольку каждый ощупывал животное лишь с одной стороны, их описания слона разительно отличались. Примерно так выглядит знание, добытое некритическим, или ленивым разумом. Подлинно познающий ощупывает мыслью (как слепцы ощупывали руками слона) предмет исследования до тех пор, пока не будут достигнуты границы в восприятии предмета. Обнаружить целостность, законченность картины – цель понимания. Слепцы же продемонстрировали такую же слепоту своего сознания, ограничившись ощупыванием слона только в одной плоскости.

«Мыслить – значит распознавать структуру» (Габриэль Марсель). Целью подлинного мышления является понимание, которое – суть научной и особенно философской деятельности. Если целью науки является добыча каких-то новых знаний, то философия не производит никаких специфических знания, выступая прежде всего гимнастикой осознания. Чем на меньший объем знаний опирается философ в своих рассуждениях, тем качественней его философия. Ведь философ имеет дело с чистым бытием, постигая его чистым разумом. А чистота

разума предполагает его максимальное освобождение от какой-либо предвзятости, готового знания.

Тут философия сближается с математикой, которая является самой чистой наукой и которая ничего на самом деле не знает, являясь ключом к пониманию всего. Если мир является некоторым набором иллюзий (ведь ни одно знание не может претендовать на полноту), нарисованным в камерке папы Карло на холсте очагом, то математика выступает ключом, отпирающим дверцу, скрытую за холстом. А любопытный нос Буратино – это воля философа, который пробивает эту иллюзорную картину и видит потайную дверцу. Философ, глядя на мир, должен видеть предметы и явления, а их связи и отношения, структуры и системы. Это есть и математика, и чистое бытие, в котором все частное теряет значения, уступая место всеобщему, вневременному. А вот факты и акты изучают науки, особенно прикладные. Они имеют дело с конкретикой, объектами и субъектами, а не чистым бытием. Но применяемые науками методы тоже математические или философские, только направлены на узкий предмет.

Мы часто принимаем за знание чье-то авторитетное мнение, навязанное, или рекламируемое. Единственная нить Ариадны в лабиринте бытия – понимание, опирающееся на общие законы этого бытия. Понимание или осознание – ключ к конкретному знанию, вытекающему из реального опыта, ведь разные структуры бытия могут существовать как очень долго, так и возникать и исчезать прямо на глазах. Распознавание этих структур, как вечных, так и мгновенных – всегда работа, процесс. С точки зрения функционирования сознания, знание относится к памяти, а понимание принадлежит «сцене». Конечно, невозможно чистое понимание без знания хотя бы чего-то, но лучше меньше знать (помня, что любое знание относительно) и больше осознавать – развивать способность выхватывать из реальности актуальное знание, являющееся не набором фактов, а скорее их динамическим взаимодействием.

1.3. Два плюс три. Человек в философии XX века

К XX веку философия человека прошла достаточно длинный путь, но все сформировавшиеся в прошлом веке и актуальные сегодня концепции человека можно свести к двум направлениям, в зависимости от того, как мыслители отвечают на вопрос о свободе воли. Даже если проблему свободы воли не считать основным вопросом философии, эта тема однозначно приоритетная для философской антропологии.

Первое направление, утверждающее свободу воли, а значит и высокую роль субъектности, можно назвать Возрождением. Второе направление, считающее, что свободы воли не существует, либо она относительна, условна, иллюзорна, будем называть Просвещением.

1.3.1. Два направления. Люди Возрождения и люди Просвещения

Мы стоим на плечах гигантов и потому можем казаться очень умными. Но к пониманию человека мыслители XX века фактически не добавили ничего нового, лишь развивая те идеи, которые сформировались в рамках Возрождения и Просвещения. Одновременно в XX веке происходили битвы «людей Возрождения» и «людей Просвещения» – не в виде философских диспутов, а как вполне реальные и кровопролитные войны, в чем-то напоминавшие религиозные войны европейского нового времени, но с более масштабными последствиями. Мы продолжаем жить в эпоху спора Возрождения и Просвещения, поскольку цели и смыслы, определенные в начале нового времени, пока не были достигнуты. Но уже можно подвести некоторых итоги этого культурно-исторического периода, чтобы определить, куда же мы идем, и что может быть дальше.

Люди эпохи Возрождения – это титаны, то есть конкуренты богов. Они избавляются от рабской морали, часто отвергают религию, или делают ее предметом осознанного выбора. Высшей своей ценностью возрожденцы считают свободу, позволяющую им раскрыть собственный потенциал. Творчество, критическое мышление, поиск, изобретения и открытия – важные для человека Возрождения цели и факторы жизни.

Что возрождает Возрождение? Изначальный смысл Ренессанса – возврат к эстетике и ценностям античности, языческой Греции и Рима, которые на фоне средневековой христианской Европы смотрелись как вершины духа, свободной мысли и раскрепощенной эстетики. Но в широком смысле Возрождение – это перманентное освобождение сознания, переоценка ценностей. Хотя этот процесс и может сопровождаться периодической сакрализацией тех или иных ценностей – античных, восточных, первобытных и т. п. Но любая такая сакрализация – предмет личных пристрастий, субъектного выбора.

Если определять основной смысл Возрождения, то это открытие всех закрытых, запретных смыслов, запрет на запреты. Поэтому на протяжении классического Ренессанса и последовавшей эпохи модерна наблюдается рост информационного и культурного разнообразия в обществах, где получили развитие ценности Возрождения. Это содержание ренессанса хорошо выразил М. Бахтин, написавший: *«Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения»*. Возрождение дает равные права всем смыслам, как прошлым, так и рождающимся в результате информационного обмена. Дух Возрождения – активный диалог, возможность не ограничиваемого обмена идеями, материальными ценностями и услугами. Поэтому такие понятия как «свободная торговля», «открытое общество», «буржуазные ценности» родились и утвердились в рамках Возрождения.

В рамках же Возрождения возникло Просвещение. Это не качественно новая эпоха, а ветвь Возрождения. Но если Ренессанс направлен на «воскрешение из мертвых» всех культур

и идей, выступая за их честную конкуренцию, то Просвещение предполагает, что есть некие абсолютные ценности и истины, которые следует проповедовать и доносить до всех. Просвещенцы видят мир сквозь призму определенной идеологии, рассматривая все остальные ветви на древе познания как тупиковые. Платоновское учение об идеях – яркий пример просвещенческой философии. Предлагаемая просвещенцами картина мира, лишенная сомнений, приятна большинству, не склонному мыслить, зато склонному верить и действовать. Если цель общества – благо всех его членов, то это общество должно иметь источники счастья в себе самом. Но гармония, понятая превратно, превращается в массу правил, которые связывают любое развитие.

Просвещенцы считали, что невежество большинства – главный бич развития и прогресса. Стоит лишь дать всем доступ к образованию, открыть кладези знаний, как общество преобразится, наступит торжество справедливости. *«Настанет тот день, когда солнце будет светить только свободным людям, не признающим другого властелина, кроме своего разума»*, – писал один из идеологов Просвещения Кондорсе. Естественно, просвещенцы считали, что они владеют знаниями, которые следует дать всем для общего блага. Плюрализм мнений и равенство культур, составляющие важную суть Возрождения, не близки просвещенцам. По словам Петера Слотердайка, *«Просвещение знает лишь две причины, по которым возникает неистинность: заблуждение и злая воля»*.

Если Возрождение заложило основы либерального общества, то Просвещение сформировало фундамент для тоталитаризма. Не зря философы-просвещенцы были обласканы при дворах европейских монархов, а их идеи легли в основу мировоззренческого мейнстрима, который вытеснялся на поверхность политическими катаклизмами 19 и 20 веков. Так, марксизм и другие направления гегельянства (в том числе любой радикальный национализм) являются различными стратегиями «людей Просвещения», отказывающимися от свободной воли, утверждая приоритет воли бога, народа, массы, класса, нации. А поскольку кто-то руководит этой массой, то «знающие как», обладатели высшей истины, всегда оказываются во главе народов и стран.

В сфере психологии просвещенцем выступает Фрейд и некоторые его ученики (например, Адлер), делавшие ставку на какую-то «одну, но пламенную страсть», которая руководит человеком. Соответственно, роль свободного выбора у малывается, или вовсе отрицается, человек видится как игрушка в руках инстинктов, живущая под диктовку бессознательного. А вот Карл Юнг и его аналитическая психология – это уже стратегия возрожденческая. Юнг не только многое сделал для понимания восточных и архаических психопрактик, способствуя их возрождению, но и не давал никаких однозначных трактовок, оставляя место волевому выбору человека. То же касается Эриха Фромма и других фрейдомарксистов. Пытаясь соединить несоединимое – просвещенческие концепции Маркса и Фрейда, они формировали возрожденческую психологию, где большое внимание отведено человеческой свободе.

Разницу между просвещенцами и возрожденцами может иллюстрировать высказыванием Вольтера – классического мыслителя Просвещения: *«Торжество разума заключается в том, чтобы жить в мире с теми, кто разума не имеет»*. Это подразумевает, что есть люди и народы, наделенные слабым разумом, а есть нации и люди просвещенные, которые не только могут, но и должны нести свет истинного знания всем, погруженным во тьму. Фактически речь идет о трансформации идеи христианского мессианства, где предполагается, что есть только один истинный бог, одна книга истинных знаний и необходимо проповедовать эти знания всем людям.

Человек Возрождения скорее бы выразил подобную мысль так: «торжество разума заключается в том, чтобы жить в мире с теми, кто разум имеет». Это значит, что каждый мыслящий и осознающий субъект разумен, но стоит принять факт, что истин может быть много, как и культур, народов, личностей их породивших. Они могут отталкиваться от различных осно-

ваний, разного опыта и мировоззрения, но желание найти истину остается объективной, объединяющей всех целью. Имеют разум все, кто способен понять Другого, уважая пространство его юрисдикции – сферы исключительных прав.

Даже разум других видов жизни мы можем воспринимать через призму такого отношения. Все действительное, живущее и проявляющее себя на протяжении длительного периода времени – разумно, поскольку успешно встроилось в мир, способно сохранять себя и среду, которая этот вид или популяцию питает. Поэтому разумность предполагает жизнь в гармонии со всеми другими разумными, даже если это бактерии, растения, или животные. Можно сказать, что первым историческим всплеском возрожденческого сознания была неолитическая революция, научившая человека не только брать из природы, но и воспроизводить природу, внедрив в свою деятельность совершенно другой, чем это было в эпоху присваивающего хозяйства, метод понимания ее законов.

Любая классификация – сама по себе признак просвещенческого подхода. Схемы упрощают жизнь, но помогают понять ее. Поэтому все же лучше пользоваться схемами, чем отказываться от понимания. «Я знаю как правильно» – вот лозунг Просвещения. «Я не знаю, как правильно, поэтому договаривайтесь и решайте сами», – как-то так формулирует эту проблему Возрождение. Именно так легче всего отличить первых от вторых, потому что и среди возрожденцев найдутся тяготеющие к просвещению, то есть уверенности в своем знании истины для всех. Но истина для всех предполагает неравенство, репрессии против других мнений и наличие централизованной власти. Как же иначе осуществлять идеалы Просвещения, если не через систему, навязывающую эти ценности и знания?

1.3.2. Три течения. Аристократизм, экзистенциализм и гуманизм

Три важнейших направления социальной философии, определяющих современные представления о человеке, выкристаллизовались в XX веке. Почему я не говорю о философских концепциях человека, возникших гораздо раньше? Потому что ни одно из них не пропало, а нашло свое воплощение в идеях мыслителей XX века.

Первое, довольно условное направление можно назвать аристократизмом. Его начали формировать еще Ницше, а отчасти Штирнер и Шопенгауэр, он воплощен в работах Ортеги-и-Гассета, Юнгера, Бердяева, Хайдеггера. Радикальные формы аристократизма вылились в традиционализм Генона и Эволы. По большей части эти философы относятся к «знающим истину», то есть просвещенцам. Хотя Ницше и Штирнер своим языком говорят о том, что развили и повторили через сто лет Юнг и экзистенциалисты – о проблеме самостановящейся личности (она же – сверхчеловек в интерпретации Ницше, или шаман – в моей).

Важная идея, сформулированная представителями аристократизма, выражена в понятии «восстание масс». Это явление имело место и в прежние эпохи, но не в таких масштабах. Если прежде приход масс в историю совершался небольшими волнами, вроде Великой французской революции, то с началом индустриальной эры массы стали основой общества. Поэтому один из вопросов, поставленных в XX веке – кто, или что является в большей степени субъектом: индивид, или группа? Большевизм и фашизм показали миру угрожающее лицо массового человека, подчиненного групповой идее.

Об угрозе восстания масс предупреждал еще Ницше. У него приход масс в историю связан с идеей ressentiment. *«Тогда как благородный человек живет в доверии и открытости по отношению к себе, человек ressentiment лишен всякой откровенности, наивности, честности и прямоты к самому себе. Его душа косит; его дух любит укрытия, тайные пути и задние двери; все скрытое привлекает его как его мир, его безопасность, его свежесть; он умеет молчать, забывать, выжидать, самоуничтожаться и смиряться»* («К генеалогии морали»).

По Ницше, ресентимент (или «мстительность») становится моралью бывших рабов и порождает новые ценности.

Что отличает представителей массы? Разрушение традиционных, вековых социальных институтов, совершенное промышленной революцией, привело к освобождению миллионов людей от уз общины, рода, а часто и семьи. Эти люди сливались в общество без структуры, без смыслов и целей. Человек в массе – безликая единица, свободная и чужая в океане безразличия, а то и агрессивной враждебности, ведь люди массы приехали в города за лучшей жизнью, что неизбежно влекло рост конкуренции. За ней следуют депрессии, неврозы и новые, массовые лекарства от скуки и страхов – кино, спортивные зрелища.

Массы пришли не только в экономику, но и в культуру, и политику. Если раньше эти люди являлись носителями традиционного доиндустриального уклада, мало менявшегося на протяжении тысячелетий, теперь их образ жизни кардинально и быстро изменился, что не могло не вызвать шок – для каждого отдельно и для общества в целом. Две мировых войны – результат переживания этого шока. Люди, раньше жившие вне истории (сфера исторических деяний в доиндустриальную эпоху целиком принадлежала аристократии, элите), вдруг, практически за одно поколение были вброшены в новые экономические и социальные реалии, где формировалась новая культура, а пропаганда (тоже массовая) предлагала в качестве вариантов выбора себя, своего исторического бытия национальное, либо классовое сознание.

Не будучи сознательно ни классовыми, ни национальными, люди массы принимали эти навязанные идеи некритически, а так, как было им привычно – мифологически, как авторитетное мнение. Ведь все сознательное формируется в процессе работы свободного критического мышления, имеющего доступ к разной информации, широко образованного. В условиях массового общества СМИ и пропаганда заменяли образование, либо, что еще хуже, массовое же образование тоже становилось орудием пропаганды, окучивающим неокрепшие умы уже с детства. Грамотность росла революционными темпами, но широта и глубина образования была далека от уровня, сформированного старыми школами и университетами. Индустриальное общество нуждалось в грамотных, но ограниченных в знаниях и пытливости ума рабочих.

Характерно, что проблема «восстания масс» в первую очередь затронула страны, где революционными темпами проходила индустриализация, отставшие в этом от передовых государств, где индустриальная революция началась раньше, проходила дольше, а потому имела характер не столь революционный и трагический. Основные авторы, рефлексировавшие на тему массового сознания – испанец Ортега-и-Гассет, русский Бердяев, немец Юнгер. То есть представители стран, вступивших на путь индустриализации позднее Англии, Франции и США.

Вторым важным направлением гуманитарной мысли XX века стал экзистенциализм, который развивался в ключе идей Возрождения. Острые интересы экзистенциалистов направлены на человека, а их лозунгом могло бы вполне служить античное изречение «Познай самого себя».

Экзистенциалисты глубоко переживают «смерть бога», то есть кризис традиционных ценностей, но принимают это, объявляя само бытие абсурдным. Характерная черта экзистенциалистов – рассмотрение бытия, человеческого существования как проблемы выбора, вечной загадки, которую каждый разрешает для себя сам. Хотя и не может вполне разрешить до самого смертного часа. Тема абсурда бытия в экзистенциализме находит ответ в форме свободы человека творить свои смыслы самостоятельно. Что, однако, не лишает всеобщее бытие бессмысленности.

В экзистенциализме есть элемент стоического мужества, экзистенциалисты слишком углублены в психологию, не особенно уделяя внимание социальному бытию. Для них социальное лишь совокупность многих экзистенций, психологий, а как они находят общий язык,

по каким законам происходит их взаимодействие – эта проблема ускользает от внимания экзистенциалистов. Характерно, что большинство экзистенциалистов были французами и социалистами. Это такое своеобразно французское прочтение левой идеи, которая в немецком марксизме и его российском варианте была исключительно коммунитарной, социальной. Французской философской мысли всегда был характерен крен в иррациональное, поэтому экзистенциализм, ответ в форме вечного вопроса – сугубо французский вариант культурной реакции на вызовы эпохи. И тема масс проходит для них мимо, потому что для французского общества, традиционно мелкобуржуазного, она оказалась не столь актуальной. По крайней мере, в XX веке, когда Франция еще не превратилась в плацдарм для массового нашествия обитателей бывших колоний. Именно наличие колоний служило той социально-экономической подушкой, которая смягчала восстание масс во Франции или Британии. Но такой подушки не имели межвоенные Германия, Испания, Италия, СССР.

Тем не менее, экзистенциализм обрел мировую известность и популярность. Главным образом благодаря изящной литературности, с которой излагали свои взгляды Камю и Сартра, более известные именно как писатели, эссеисты, а не философы. Интересно, что если французские экзистенциалисты были социалистами, то немецкие – Хайдеггер, Ясперс – придерживались консервативных взглядов. Это свидетельствует, что экзистенциализм не стал основным философским направлением, не выразил себя ни в какой социальной программе.

Третьим философским направлением XX века, ставшим мейнстримом после Второй мировой, следует считать гуманизм. Представители гуманизма по большей части – выходцы из шинели Фрейда или Маркса, как, например, фрейдомарксист Фромм. Часто это были беженцы из Европы в Америку, остро переживавшие европейское наступление реакции как в форме нацизма, так и большевизма. Новой землей обетованной для гуманистов стали США. Именно ценности гуманистической философии активно проповедуются в американской культуре второй половины XX века. Идеи равенства, толерантности, верховенства прав и свобод личности стали основой как для формирования политики объединенной Европы, так и основной программой политических партий (особенно демократической) в США.

Весь послевоенный мир был выстроен на основе гуманистического прочтения идей, сформированных в философии Канта, Маркса, а отчасти Фрейда и Гегеля. Если угодно, гегельянством (доминирующим духом, не терпящим конкурентов) послевоенного мира, глобального либерального проекта стал гуманизм. Это идея, принадлежащая к просвещенческой парадигме, но при этом многие гуманисты оставались «людьми Возрождения», находя в нем нишу для реализации своих идей, поскольку толерантность и приоритет человеческой свободы – важные элементы гуманизма. Таким образом гуманизм пытается соединить возможности Возрождения и Просвещения.

Власть идеалов гуманизма остается до сих пор практически безраздельной. Тот же экзистенциализм, если верить Сартру, тоже есть гуманизм, а в СССР не уставали повторять о социалистическом гуманизме, о самом гуманном строе и т. п. В какой-то мере идеи гуманизма затерлись и померкли ввиду того, что ими вооружились лицемеры, что декларации о равенстве и свободе упираются в очевидные факты неравенства и несвободы. Но все это можно было бы рассматривать как болезни роста развивающегося гуманизма, которому еще не все народы и страны воздали должное, а потому и не могут воспользоваться всеми благами этой идеи. То есть кто-то еще просто исторически не дорос до полного гуманизма, а потому нужно распространять эту идею, отправлять везде проповедников гуманизма как когда-то миссионеры несли свет христианства всем народам.

Хорошо бы, если бы это была единственная проблема гуманизма, и все конфликты современного мира можно было списать на неравенство социально-экономического положения разных обществ. Но глубинная проблема гуманизма – в недопонимании природы самого человека.

Поставленный на вершину человек не является ни идеалом, ни даже законченным фактом. Человек – это всегда проблема. Что прекрасно понимали экзистенциалисты. Сам же гуманизм не предлагает человеку ничего, кроме его собственного отражения. Притом, это отражение довольно абстрактного человека, который все так же исполнен сомнений, проблем, вопросов. Если фашизм и большевизм возносили на пьедестал некоего идеального человека, к воплощению которого следует стремиться, то гуманизм объявляет идеалом человека вообще. С одной стороны, это очень позитивная и добрая концепция, с другой же – человек оказывается лишенным целей и смыслов.

Как считает кинорежиссер Ларс фон Триер, *«...в основе гуманизма лежит наивность. Хотя я все еще считаю, что гуманизм – подходящая база для всякого человеческого общежития на этой земле. Но в гуманизме много придуманного. Сама идея, что человек печется о благе ближнего своего, глубоко наивна»*. Мы до сих пор имеем смутные ответы на главные вопросы о человеке, слабо понимаем природу возникновения нашего сознания, генезис культуры. Наша психика остается по большей части черным ящиком, содержимое которого можно толковать, исходя из той или иной концепции. Не поняв природы человека, взяв его со всеми проблемами и сомнениями, невозможно сделать из него исполина – существо, способное на свершения, на движение вперед. Тем более что гуманизм никаких внятных перспектив и не обозначил, кроме самого себя. В духе христианства – пока не будет проповедано Евангелие среди всех народов, не наступит царство божие на земле. Эту стратегию можно озаглавить «любите друг друга, иначе вам не поздоровится», или «учитесь, учитесь и учитесь – этот путь приведет всех к благодати и процветанию». Стоит только, по мнению гуманистов, насадить везде эту идею, ввести демократию, дать свободы, как человечество расцветет.

Данная теория видится слишком сомнительной и утопичной. Прежде всего, по причине, что нет ответа на вопрос: что будет делать потом этот сомневающийся и слабый человек, даже если его будет окружать изобилие и техногенный рай, в котором больше не потребуется трудиться и ощущать страх? И все ли источники человеческих страхов учтены гуманистами?

Еще одно родимое пятно гуманизма – он вырывает человека из царства природы, из космоса как гармонического бытия, в котором все взаимосвязано. У этой идеи явно видны христианские и авраамические корни. Но если религиозное мировоззрение исходит из божественной природы человека как венца творения, то из чего исходят гуманисты? Ответ завис, ибо часть гуманистов остается вполне последовательными носителями религиозного сознания, а другие считают себя атеистами либо агностиками и верят в науку. Наука же на сей счет пока молчит. Либо, присматриваясь под микроскопом к человеческой природе, не видит большой разницы между нами и животными.

Гуманисты игнорируют, либо вовсе считают неверной мысль о врожденных способностях человека. Для них важно утверждение равенства людей. Им не важно, что возможно только юридическое равенство, касающееся правил жизни в обществе. А то, что мы рождаемся с разным полом, разными физическими параметрами, разными характерами (вряд ли кто-то станет спорить, что даже у маленьких детей есть индивидуальность и свой характер, как есть он и у всех высших животных) – эти аспекты гуманисты обходят стороной.

В политическом отношении гуманистов можно соотнести с левыми, аристократистов с правыми, а экзистенциалистов с условными центристами. Если гуманисты говорят «нужно идти налево», аристократисты утверждают, что нужно двигаться направо, то экзистенциалисты считают, что надо постоять на месте, вслушаться в себя внимательней, разобраться с собственными желаниями и целями. И уже на основе этих выводов выбирать, куда сделать следующий шаг. Но, сделав этот шаг, следует опять вслушаться в себя, оценить изменения и делать следующий шаг на основе такого разумного выбора. В итоге центристская стратегия, если бы какое-то общество ей действительно последовало, превратило его движение в медленный причудливый танец. Это роскошное решение, но как все идеальное оно осуществимо лишь вне реалий

бытия, где ни одно общество не может быть «сферическим в вакууме». Хотя раньше, когда людям и государствам не было так тесно в мире, часто именно так и было.

Пожалуй, так выглядит панорама философских концепций за последний век. Остальные философские школы либо существовали до того и не добавили ничего нового к наследию своих кумиров, либо не интересуются человеком, углубляясь в вопросы мироустройства, функционирования языка, сознания. Проблема субъекта в этих философиях не выделена – он представляется клубком проблем разной природы (культурной, физической, когнитивной и др.). Что касается концепций человека, актуальных в современную эпоху, их мы рассмотрим в последней части книги.

Часть 2. КУЛЬТУРНОЕ

2.1. Игра с сакральным

Культура является простейшим ответом на вопрос «что есть человеческое». А культурное – все то, что не природное. Именно культура можно считать единственным известным нам сверхъестественным явлением. Хотя необходимо уточнить, что культурное поведение берет начало в природе. Зачатки его в форме различных сигналов, ритуалов и игр можно найти уже у животных.

Тем не менее, культуру в человеке формирует отталкивание от природной основы, ее отрицание. Архаический человек через мифологию пытался выразить идею, что источником культуры является не природа, а некие могучие творческие силы, скрытые в окружающем нас мире – сакральное. Позже источником культуры представляли божественное. Основное отличие сакрального от божественного в том, что божественное воспринимается как однозначно позитивное, которое нужно принимать беспрекословно, а вот сигналы сакрального требуют дешифровки, поскольку оно не обязательно дружелюбно к человеку.

Что такое сакральное – тема отдельная [7]. В какой-то мере оно тождественно культуре, но как источник ее. Культуру можно сравнить с лампочкой, которая светит, когда есть электричество – сакральное, духовный источник культуры. Считать сакральное частью природы, или это нечто третье, трансцендентная по отношению к миру сила – любой вариант ответа на этот вопрос не повлияет на принципы функционирования культуры.

Содержание любой культуры состоит из набора сакрализованного, то есть признанного ценным и важным для сохранения – языка, сказок, мифов, ритуалов, традиционных орнаментов, способов хозяйства и так далее. У каждого общества свой набор сакрализованного. Таким образом общество всегда стремится подменить источник творческой энергии – собственно сакральное – продуктами усвоения этой энергии.

Основополагающим инстинктом для возникновения культуры выступает игра. Человек играющий, человек символический, или человек разумный – по сути, синонимы, ведь без игры, без своих, надстроенных над природой правил, не смог бы возникнуть ни язык, ни символическое отражение мира в форме сознания.

Первым полем игры является сама природа. От этой игры не свободен ни один суший, но человек хотя бы отчасти освободился от ее правил, надстроив над природой этажи собственных игр: культуры и ее «филиалов», ставших частью человеческой социальной ткани – этики, эстетики, религии, политики, искусства и т. п. Свой игровой код, во многом определяющий сознание и поведение, может иметь и отдельный человек.

Слово «игра» имеет ряд значений, которые так или иначе реализуются и в культуре:

- колеблющейся интенсивностью однородных ощущений (как «лист, играющий на ветру»);
- системой взаимодействия, приводящей к пересечению разных ощущений с возможным их перетеканием в противоположные;
- рядом правил, знание и умение использовать которые способно привести к успеху – преобладанию позитивных ощущений;
- свободная, лишённая условностей, налагаемых обыденным бытием, деятельность сознания («игра воображения», «игра разума»);
- игрой как творческой деятельностью актера, или музыканта; это почти аналог «игры воображения», но инструментом такой игры выступает уже сам человек (актер играет всем телом), либо некий предмет, предназначенный для творчества.

Все смыслы понятия «игра» указывают на двойственность бытия и вращаются вокруг правил, норм, законов и их нарушения. Либо выработки новых правил и поиска законов, которые пока от нас скрыты. Игра культуры – всегда то, что происходит по правилам, отличающимся от правил природы. Поэтому игровое начало следует рассматривать как кратчайший мостик между психическим и социальным в нас, с игры начинается «удвоение мира» – его разделение на мир природы и мир культуры.

Культура стала возможной и необходимой для человека в силу способности вызывать широкую гамму чувств, возбуждая работу ума, которому важно не просто внимать, но и понимать происходящее, направляя события в сторону увеличения приятных чувств и избегания неприятных. Создавая свои культуры, общества создают собственные альтернативные миры, утверждая мысль, что «большой мир», где царят правила «большой игры» природы, несовершенен и требует доработки. Символическая игровая деятельность становится альтернативой однозначной обыденности. Благодаря игре мы можем побыть не собой, пережить нечто, чего в жизни не было, либо бывает редко, тренируя способность преодолевать экстремальные ситуации.

Самые архаические человеческие игры – ритуалы, которые были и первой формой языка, кодирующей глубинные стереотипы социального поведения не в речевых актах, а в телесных. Различные «сигналы тела» (мимика, жесты) служат своеобразными архетипами (или мемами), отличающимися у каждой культуры, выступая самым сильным каналом передачи культурного опыта на бессознательном уровне. На этом механизме строится усвоение культурной информации детьми, позволяя им быстро вписаться в свою социальную среду, впитывая массу представлений о мире, минуя их вербализацию.

Вероятно человеческое пение, то есть простейшее музицирование, предшествовало появлению членораздельной речи, и было подражанием коммуникации птиц, достигающей большого разнообразия и эстетической красоты. Последний факт, конечно, субъективен, однако он указывает на привлекательность для человека с древнейших времен пения птиц, что могло вызвать желание подражать ему. Практически в любой из традиционных культур популярны образы божественных музыкантов, поэтов и певцов, а также их священные инструменты. Шаманский бубен является, пожалуй, самым характерным инструментом сакрализации игры, ведь шаман, благодаря бубну, танцу и пению, путешествовал в иные миры, принося оттуда новые знания. Бубен рассматривался одновременно как источник ритма и гармонии, символ космоса, а иногда и как конь шамана, на котором он переносится на другие уровни вселенной.

Культура для общества – то же, что сознание для субъекта. Суть культуры и сознания – объяснять мир, находя в нем место себе или своему обществу. Как и сознание, культура психоделична, то есть богата возможностями, наделена способностью творчески воспроизводить новые смыслы и формы на основе уже сформировавшейся матрицы представлений. Ведь и события, подвергшиеся сакрализации, запечатленные в культуре как ценный опыт, удачный способ реагирования на вызовы бытия, являются избыточным по значимости, информативным, а значит психоделическими по воздействию на психику.

Подобную суть имеют и психические феномены, которые Юнг назвал архетипами, заставляющие появляться сходным символам в разных культурах. В основе архетипов лежат «долгоиграющие» и впечатляющие факты – смена времен года и возрастов, рождение и смерть, отношения полов и т. п. Культура «побеждает» и подчиняет такие факты путем их объяснения (мифологического, научного, творческого). А поскольку этот факт является неизживаемым, то каждое последующее поколение людей заново переоткрывает его, привносит свои варианты ответов на вызовы, обогащая культуру.

Внутри «большой игры» культуры нужно выделить две сферы деятельности – историческую (она же память) и творческую. История это то, что не подвержено изменениям – багаж

опыта определенного общества. Конечно, это мы сегодня под памятью имеем в виду историю, в традиционных же обществах память хранилась в виде мифов, песен, преданий. В такой форме культура больше напоминает музей, кладбище-мемориал, который в меру своих способностей уравнивает тех, кто все еще продолжает относиться к культуре как к игре, то есть творцы. Именно они наполняют старые символы новыми смыслами, или создают новые символы. Человеческое – большое поле экспериментов. И даже если человек, или общество запрещает себе эксперименты, это тоже эксперимент.

Большинство носителей культуры считают ее высшей реальностью, сокровищницей опыта, не воспринимая как игру. Поэтому внутри культуры человек считает нужным выделять новые пространства для «несерьезной деятельности», устраивая «игру внутри игры». Это прежде всего спорт и искусство – творческая сфера культуры.

В живой реальности память и творчество встречаются и реализуются в совместных культурных актах сплошь и рядом. Например, любое речевое высказывание включает в себя творческий акт по его построению и подбор понятных участникам коммуникации слов, чтобы выразить мысль. Но в конкретном акте культуры больше либо памяти, либо творчества. «Более творческое» есть более свободное, а «более историческое», приверженное шаблонам традиции, скорее выглядит как подражание, или оттачивание навыков.

Потенциально в любой культуре присутствуют все идеи, но только некоторые из них получают полноценное развитие. Как любое сознание могло бы помыслить любую мысль, но мыслит лишь некоторые, которые входят в комплекс интересов данного субъекта. Чаще же содержанием сознания становятся вовсе не мысли, а мечты и фантазии – «сладострастие души». То же можно сказать и о всякой культуре, где имеются свои представления о важном, ценном, прекрасном, вокруг которого строится система эстетических удовольствий данного общества.

2.2. Культура и аффекты

2.2.1. Многоликая эмпатия

В усвоении культурного опыта большую роль играет эмпатия, но особенно – стремление подражать сильным, успешным членам общества. Каждый, включившийся в игру, хочет достичь в ней успеха, а потому важно усвоить правила и использовать их наиболее эффективно. Игра дарит как удовольствие в случае выигрыша, удачи, так и страх неудачи, проигрыша. Фактически, любая эмпатия начинается с сопереживания себе, включающего знание вероятного исхода собственных поступков.

Если субъект – тот, кто отстаивает и развивает своё, то идеальный субъект, которого можно лишь помыслить, должен быть «вещью в себе», заниматься только собой, не вникая ни во что внешнее. Поэтому, стоит людям лишь ощутить больше свободы, как начинает наблюдаться расцвет нарциссизма, эксгибиционизма и других форм самолюбования. Эти маленькие слабости —не зло, но все-таки уход от пути, который направлен на развитие человеческого потенциала. Эгоцентрический вектор устремлений субъектности к собственному ядру нужно понимать и уважать, но любой субъект не мыслим также без устремленности во внешний мир, являющийся источником благ и опасностей. Даже наша базовая животная самость далека от «сферической в вакууме», которую бы могло себе позволить самодостаточное существо. И чем с большей уверенностью мы говорим о «великом уме», или «большом сердце», тем очевиднее, что эти люди уделяли много времени, внимания и воли миру, а не себе.

В теории о контурах сознания, описанной Т. Лири в «Семи языках бога» и развитой Р. А. Уилсоном в «Психологии эволюции», эмоции выступают сигнальной системой оповещения животных об изменении границ их личной территории. Позитивные эмоции возникают, когда у нас что-то прибыло, получилось, а негативные – в случае потери, неуспеха. Таким образом, любая эмоция – сигнал об изменении конфигурации личной свободы. А вот чувства, «сентименты» – признак душевной связи с другими существами, то есть сопереживание. Именно такую природу имеют культурные, творческие, естественные (как связь с природой) переживания, отменяющие на какое-то время значение личных границ.

Стоит говорить о разных формах эмпатии, разделяя сопереживание себе, сопереживание своим ближним и сопереживание миру как целому, всеобщей гармонии и порядку. Эти три переживания не обязательно исключают друг друга, но вполне могут рождать внутренний конфликт. И только от воли субъекта зависит, как в нем разрешится это противоречие.

Интересно, что одни и те же культурные акты могут быть продиктованы разными формами эмпатии. Например, отказ от мясоедения может стать итогом озабоченности гармонией мира или результатом заботы о собственном здоровье.

Эмпатия, выражаемая ликованием, торжеством, может быть названа экстазом. Это эмоциональная, животная реакция от ощущение расширения привычных границ, выход за пределы себя, слияние с объектами/субъектами восприятия, или со всем окружающим миром. Но ликование бывает разным. Его можно условно разделить на высокое и низкое, а используя терминологию Ницше – аполлоновское и дионисийское. Так, экстазом является как ликование болельщиков-фанатов на стадионе, так и Архимеда, выпрыгивающего из ванны с криком «Эврика». Внешне обе эти реакции похожи, но разница заключена в разном участии личной воли. В первом случае это ликование по поводу достижения «наших», во втором – радость из-за собственного открытия. Первый экстаз служит утверждению коллективной субъектности, а второй – личной.

Еще одной формой человеческих реакций на внешний мир является сочувствие. Способность ставить себя на место страдающего греки называли катарсисом, «очищением». Испытывают ли катарсис болельщики в случае проигрыша их футбольной команды? Вряд ли это столь очевидно, как экстаз по случаю победы. Тем не менее, и неудачи способны спланивать коллективы. Но все-таки больше это касается собственных неудач, понуждающих к анализу ошибок. Поэтому там, где катарсис затрагивает личную волю, когда она может быть ответственна на результат действий, происходит очищение, или переоценка себя, своих действий, сил, целей. Но и там, где происходящее не зависит от нашей воли, можно не только пассивно сочувствовать, подвывая чужому (или коллективному) горю, но и делать выводы, проводить работу над ошибками, пусть и чужими. Это не так действенно, как собственный опыт, но все-таки тоже работает.

Существует и другое название для катарсиса и сочувствия – одержимость. Если экстаз связан с собственной деятельностью и ее достижениями, то одержимость – переживание красоты, чьих-то достижений, причем это могут быть достижения и красота как «наших», «ближних», так и всеобщая, «ничья». Экстаз служит утверждению субъектности, а одержимость – приближению к состоянию объекта, растворению в окружающем мире. Простейшим примером одержимости является отождествление себя с героями фильмов, книг, игр, когда происходит временная «утрата себя», превращение в другого.

С другой стороны, не является ли примером одержимости поведение болельщиков на стадионе, эмоционально уходящих в игру? И разве экстазу Архимеда не предшествовала одержимость идеей познания, которая и позволила ему совершить открытие? Одержимость и экстаз можно рассматривать как этапы любого акта познания, где чередуются подчинение воле предмета исследования и «взлом» этой воли в результате обнаружения истины. В идеале этот процесс выглядит как диалог двух волей, принимающий характер субъект-субъектной связи, либо такого чередования, когда субъект и объект временно меняются местами.

Иногда одержимость способна вызывать психические расстройства и даже соматические изменения, вроде появления стигматов у впечатлительных лиц, предрасположенных к такого рода переживаниям. Зомбирование тоже является формой одержимости, искусно направляемой внешней волей, отличаясь этим от спонтанной одержимости.

2.2.2. Страх

Не так просто ответить на вопрос: как культура смогла отвоевать пространство у природы, заняв в жизни людей такое важное место? Но эта проблема имеет прямую связь с возникновением сознания, а значит, скорее всего, и с теми аффектами, которые способны были вызывать психоделические средства.

Чтобы понять, как это происходило вначале, достаточно рассмотреть то, как культура усваивается новыми членами общества сегодня. Дети, как и архаические люди, достаточно близки к природе. И они воспринимают язык, нормы поведения и другой культурный опыт через игру. При этом важным условием успешности усвоения культуры выступают страхи – угроза наказания, отказа в эмоциональной близости, позора, насмешки. Культура усваивается волюнтаристски – старые члены общества навязывают ее нормы неопитам.

Культура существует для ограничения свободы. Ведь там, где человек еще близок природе, его свобода будет означать подпадание под власть природы, ее инстинктов и страстей. Поэтому в архаических коллективах соблюдению традиции придавали большое значение – опасность возврата во власть природы была здесь слишком велика. Самыми культурными людьми стоит считать представителей традиционных обществ. Все стороны их жизни регламентированы ритуалами, правилами, табу. Такое общество напоминает детство.

Но сохраняется ли при этом внутренний протест, эмоциональный след неприятия навязанной культуры? Видимо, память о насилии вытесняется очень глубоко, ведь окультуривание детей происходит на слишком ранних этапах развития психики. Зачастую можно наблюдать, как дети становятся ревностными защитниками навязанных им норм и готовы чуть ли не уничтожить того, кто ведет себя «не правильно». Еще один яркий пример «символического животного», не обладающего свободой – представители блатного мира. Здесь символической реальности определенных культурных норм уделяется столь большое внимание, что человек, не следующий им, может быть подвергнут всеобщему презрению или даже уничтожен.

Для таких людей культура – это «как правильно». И если в поле зрения традиционалистов появляется другая культура, с иными правилами, они испытывают сложные психологические проблемы. Любая агрессивность к «иным», «не таким» – это та сублимированная реакция, в которую превращается протест внутренней свободы против культуры. Приняв что-то однажды некритически, добровольно, особенно находясь в бессознательном возрасте, люди превращаются в духовных рабов этой навязанной воли.

2.2.3. Смех

Говоря о страхе, мы уже начали говорить и о смехе. Но если страх известен почти всем живым существам, то смех – новая эмоция, социальный акт, направленный на что-то или кого-то. О страхе обычно говорят меньше, чем о смехе, по ряду причин. Во-первых, страх – чувство более интимное, скрываемое, подавляемое. Во-вторых, страх способен реализовываться в самых разных действиях, даже прямо противоположных – от оцепенения и полного безучастия в происходящем вокруг, до включения реакции решительного отпора внешней угрозе. Возможно, кто-то скажет, что героические действия не имеют ничего общего со страхом, но это будет близорукое мнение. Страх – первейшая реакция, стимулирующая как труса, так и героя.

Смех, насмешка – инструменты установления контакта между людьми, но «своими людьми», теми, кто способен оценить конкретный юмор. Чужие, их нормы поведения, их язык, их внешность часто становятся объектом насмешек и благодатной почвой для создания анекдотов. А улыбка стала сигналом к общению, признаком отсутствия злых намерений, приглашением в «свой круг». Вероятно, эффект смешного – самый древний и бессознательный инструмент укрепления социальных норм и культурных ценностей (что по сути одно и то же). Смех является орудием, иногда смертельным, особенно в сплоченных коллективах. Страх быть осмеянным, оказаться объектом насмешек/издевательств, сопровождает человека всю жизнь и является, возможно, сильнейшим стимулом нашей социализации. Причем такой стимул может выступать как кнутом, так и пряником.

Смех – не только сила, утверждающая культуру, но и спутник, или брат-близнец творчества, созидающего культуру. И творчество, и смех связаны с нарушением какого-то ранее установленного порядка, являются силами, благодаря которым космос встречается с хаосом, после чего космос либо усиливается/утверждается, либо ослабевает/разрушается. Все зависит лишь от дозы. Но поскольку «космос» и «хаос» – только индивидуально воспринимаемая мера упорядоченности, что-то может служить хаосом для одних, и космосом для других.

Если сравнить порядок (космос) с протоптанной дорогой, то чувство встречи с хаосом возникает, когда кто-то с этой дороги пытается сойти на нехоженую территорию. Первопроходец может либо дать начало новой дороге (новому порядку, космосу), либо, потоптавшись в хаосе, вернуться на магистральный путь существующего порядка. В первом случае первопроходец совершает признаваемый другими подвиг – создает новую культуру, которая всегда является ответвлением от какой-то прежней культуры (либо появляется на месте пересечения нескольких культур). Во втором случае мы получим кратковременный эффект разрядки, вроде смеха.

Если говорить о разнице между смехом и творчеством, то она определяется скорее результатом деятельности, чем первоначальной целью. Для детей, например, нет особой разницы между смехом, игрой и творчеством. Эти виды деятельности растут из одного корня и лишь со временем, усложняясь и «взрослея», начинают различаться. Кстати, страх оказаться смешным чаще всего и парализует любую творческую активность, постепенно убивая эту потребность в человеке.

Цель творчества и смеха – получение удовольствия особого рода. Кто-то может считать это удовольствие эстетическим, я же предпочту назвать его экстагическим, связанным с выходом за пределы имеющегося порядка. Природа такого удовольствия шире или глубже, чем просто эстетическое чувство. Является ли эстетическим удовольствие от анекдота, или карикатуры? Эффект смешного вызывает в нас то, что нарушает нормы нашего космоса. Смешное воздействует так, чтобы мы не стремились нарушить эти нормы, а наоборот – хотели их сохранять и утверждать, дабы самим не стать смешными.

Но чем больше человек знает, тем сложнее его рассмешить, потому что он видит все меньше незыблемых правил и норм, все больше возможного и допустимого. Тот, кто многое знает, уже не боится быть смешным. Он сам может быть инструментом расширения списка норм для космоса своего общества, чтобы многое, ранее считавшееся смешным, таким больше не считалось.

Чем меньше в культуре смешного, тем богаче она потенциально, поскольку все ранее бывшее смешным освобождается как поле для творчества. В тех обществах, где творчества мало, очищающий и укрепляющий устоявшееся положение вещей хаос приходит в виде смеха. Парадокс, но космос невозможен без инъекций хаоса, только в одних случаях они укрепляют этот космос и проявляются через смех, а в других – расширяют пространство этого космоса и проявляются в творчестве.

В сегодняшнем цивилизованном мире мало смешного и много творческого. Хотя культура постмодерна пронизана иронией, но когда нет твердых основ, чего-то незыблемого, ирония служит не инструментом смеха, а творческим приемом. Можно сказать, что постмодернизм – этап культуры, где место смеха целиком заняло творчество. Проблема такого творчества в том, что художнику, сошедшему с магистрального пути, некуда возвращаться. Нет никаких обочин и диких пространств. Дороги теперь везде. Поэтому и смеха здесь быть не может, ведь в такой культуре нет ничего запретного. Сохраняются лишь рефлекторные попытки вызвать смех – сдавленные улыбки, хихикающие рты, в которых уже нет той первичной эмоции, которая когда-то служила утверждению чувства «своего общества».

Сегодня «свое общество» может рождаться и жить только в архаичных формах социальности – в малых группах, организованных вокруг своих идей, интересов, увлечений. Только там и возможен смех, и здоровое творчество, которому нет необходимости кричать, чтобы быть услышанным. Иногда таким «своим обществом» может быть отдельный человек. Во всяком случае, любой полноценный творец является обществом в миниатюре. Поэтому он способен не только творить, но и оценивать; говорить и слышать; показывать и видеть.

Толерантное общество трагично из-за того, что в нем теряются поводы для смеха, который является социальной реакцией на нарушителей норм культуры. А если понятие о нормах размыто, требуется приложить слишком много усилий, чтобы эти нормы нарушить. Теракты, Брейвик, фильмы про Ганнибала-каннибала – это и есть попытки культуры и отдельных субъектов пробить брешь в коре безразличия, которой покрывается обыватель. «Шарли эбдо» удаётся быть смешными (а иногда и мертвыми) только потому, что они выходят за грань даже принятых в Европе норм приличия. Хотя чаще острие их сатиры направлено за пределы Европы, либо на явления, привносимые в сегодняшнюю европейскую жизнь извне.

2.2.4. Красота и новизна. Невротическое и шизофреническое в культуре

Противоположностью страха является не смех (ведь они тесно связаны), а любопытство. Страх и любопытство – две сильнейших эмоции, играющие важную роль и в жизни высших животных, которые не рождаются совершенно готовыми к бытию, а проходят определенную стадию научения. Человеческая же мутация, или «грехопадение», заключена в том, что мы способны сохранять это детское состояние «неготовности к жизни» всю жизнь. Естественно, тоже в индивидуальной мере.

Любопытство является влечением к новому, страстью к познанию, а страх вызывает к сохранению известного и имеющихся границ. Страх и любопытство вступают в противостояние, каждый качается на индивидуальных качелях между этими силами. Там, где сильнее оказывается страх, устанавливается консерватизм, примерами которого служат и криминальная среда, и первобытный коллектив. Для такого индивида или общества радость несут повторяющиеся моменты бытия, утверждая его стабильность, следование извечным законам. Там, где сильнее любопытство, источником позитивных эмоций выступает новый опыт и познание.

Все красивое и новое явно или косвенно ценно для выживания. Но любая новизна, чтобы быть воспринятой, «услышанной» и оцененной, должна пройти через стадию красоты. Жизнеспособное общество начинается не с рационального осознания удобства взаимного выживания, а с единства иррационального – эмпатии на основе общих представлений о прекрасном, способных меняться от общества к обществу, от века к веку и от человека к человеку. Мы можем не только по-разному «знать», но и чувствовать. Не зря поговорка «о вкусах не спорят» так популярна.

Шеллинг считал, что красота это бесконечность, выраженная в конечной форме. Я бы уточнил, что красота указывает на всеобщие законы бытия, которые мы в этой красоте распознаем. Но одновременно с тем любая красота имеет динамические (меняющиеся) границы, иначе никто не мог бы ее различить, выделить. Любое произведение искусства формирует граница, отделяющая его от остального мира. Для картины это рамка, для театра – сцена, для кино – экран, для ритуала и игры – время и место их совершения. Культура рождается из границ, в которых действует определенное единство эстетических вкусов. Поэтому культура – прежде всего нормы и запреты; пределы, а не беспредел.

Изначально красивое – есть служащее некоей идее, воплощая ее наилучшим образом, исполняющее свою миссию. Например, целая чашка красива – она свою роль исполняет. Разбитая некрасива. «Красивый человек» – слишком широкое понятие, поскольку предназначение человека неясно. А вот «красивая девушка» яснее: такая, которая наилучшим образом может послужить для рождения здоровых детей. «Красивое яблоко» – без видимых изъянов, аппетитное. Нецелое, ушербное = некрасивое.

Но человек взял на вооружение красоту, используя ее как магическую силу – вначале, вероятно, для власти над стихиями (духами), а теперь эксплуатирует ее как некую харизматическую силу, воздействующую на эмоции других людей. Человек создал рафинированную красоту; отделил идею красоты от предмета, подвесил ее в воздухе, превратив в магию. Рафинированная красота выражает только одну идею – избыточности, богатства, психоделичности. Так, красивый гроб с рюшечками никак не улучшает функциональность гроба, не является реализацией идеи гроба. Или инкрустированная камнями рукоятка меча служит лишь показателем пафосности ее владельца, никак не улучшая «мечность» меча. Отсюда все эти помпезные стили рококо, ампир, гламур. Отсюда и искусство – первоначально магическое, т.к. его функцией было улавливание идей, отделение их от предмета. Сегодня искусство уже часто не удовлетворяется простыми идеями, ищет или творит сложную красоту, тем самым следуя одним

с наукой направлением в познании мира. Собственно, любая наука – искусство работы с фактами. И тогда все, чем занимается человек – наука или искусство. В чем их отличие? Наука работает с фактами общими и повторяемыми, а искусство – с частными и неповторимыми.

Все ценное, воспринимаемое обществом как достойное запечатления в памяти культуры, выглядит как симбиоз красоты и новизны. Именно «настоящее», «цепляющее» (или делающее одержимым, приводящее в экстаз) люди ищут везде – в жизни, в искусстве, в науке. А когда речь идет о жизни сознания, то можно даже не делать различия между жизнью и искусством, реальностью и вымыслом, бытием и мечтами, планами, идеями. Наши мысли направляют нас в ту сторону, где мы видим притягивающее нас Настоящее – красоту и/или новизну. Вот это «и/или» является важной отличительной чертой, делящей людей, творящих и воспринимающих творчество, на две большие категории.

Иногда, чтобы сказать что-то новое, нужно создать новый язык. Искусство – это соревнование индивидуальных языков по выражению единых истин, понятых через призму субъективного восприятия. То же касается философии, которая, как мы говорили, есть одна из сутей сознания – субъективного «схватывания» мира.

Сознание – нечто избыточное по отношению к природным нормам психической жизни. А что такое норма? Предсказуемость, повторяемость, следование каким-то древним программам. Наличие сознания, которое выбивается из колеи работающих программ и способно само себя перепрограммировать – уже бунт против природы. Меньше сознания – больше здоровья для психики, больше природы.

Культура и отдельное сознание соотносятся как два зеркала. Поставив их напротив друг друга, мы никогда не сможем узнать, какие именно призраки отразятся в этих зеркалах. А пытаясь заглянуть в межзеркалье, будем видеть лишь себя. Это пространство – сфера действия творческой воли, в которой индивидуальный разум с одной стороны работает с личным опытом и генетически усвоенным багажом психики, а с другой – с усвоенным опытом культуры.

Большому, сложно организованному сознанию нужны особые лекарства – культурные. Как само наше сознание полностью искусственно, так и лекарством ему служат эстетические пилюли: искусство, литература, ритуалы и т. п. Все, что мы ищем, на самом деле является материалом для строительства себя и лекарством для больного сознания. Именно такова суть Настоящего. И все то, что воздействует на нас как лекарство, как обезболивающее, мы принимаем как Настоящее – способное вызывать хотя бы кратковременную реакцию освобождения, катарсиса.

Причины страданий сознания экзистенциальные, они коренятся в осознании своей отдельности, а потому – уникальности. Мы как бы заточены в своем внутреннем мире, поэтому полное понимание Другого невозможно. Общение всегда будет цепью догадок и неточных переводов, что особенно актуально для развитого сознания. Каждое такое сознание – итог уникального пути личных исканий. Поэтому понимание прекрасного способно не только объединять с другими, но и разъединять.

Если развить одну из мыслей К. Г. Юнга, существуют невротический и шизофренический типы личности. Конечно, это не означает, что все мы психически нездоровы. Но с точки зрения природы быть человеком – значит являться страдающим, болеющим существом. Невротик бежит от внешнего хаоса в мир иллюзий. Такой человек ищет в искусстве/литературе недостающей ему в жизни гармонии, порядка. Главным символом порядка выступает красота. Поэтому невротик прежде всего реагирует на внешнюю форму – наиболее очевидные и архаичные признаки красоты.

Шизофреник – противоположный невротическому тип. Это человек хаоса, а не космоса; новизна для него важнее красоты. Чем отличается космос от хаоса? Наличием предсказуемо-

сти, устоявшихся форм и норм. Хаос же непостоянен, непредсказуем и потому видится как опасное, тревожное, но и творческое состояние бытия.

Невротическая культура направлена на сохранение опыта прошлого, а шизофреническая – на поиск нового, расширение горизонтов. Невротик видит и приемлет красоту «проверенную временем»: котики, цветочки и прочая милота, мелодрамы, комедии, ритмическая односложная музыка. Развлекать, убаюкивать, уводить в мир фантазий и грез – вот суть невротической культуры. Невротик – человек, олицетворяющий близость к природе и архаике. Он тяжело принимает новое, а потому окружает себя понятными, легкодоступными и древними образцами красоты. Цветами и котиками могли любоваться еще люди палеолита. Эта красота архетипическая, глубоко укорененная в нашей психике. Она рекурсивна и фрактальна, в ней почти нет места новому. А невротическое искусство – это бесконечный «конкурс двойников», самоповторы и поиск идеальной формы давно известных образов.

Культура шизофреническая ориентирует на усложнение и поиск новых форм. Шизофреник в первую очередь хочет разгадывать ребусы, а не любоваться. Он находит красоту именно в процессе поиска, его манит новизна и утомляет мир повторяемости. Новые идеи, смыслы, новые формы красоты. Нужно только приложить усилия, чтобы эту красоту рассмотреть. Относительность представлений о красоте успешно демонстрирует современное искусство, размывая устоявшиеся эстетические взгляды, но и оно существует в определенных рамках, в которых формирует атмосферу чуда раскрытия новой красоты.

Фактически понятие новизны вторично. Речь всегда идет только о красоте, она и есть искомое всеми «настоящее». Но каждый способен видеть красоту чуть иначе, наблюдая мир «со своей колокольни». Котики и цветы никуда не деваются – этот древний пласт восприятия красоты доступен всем. Но дальше начинаются ступени личного культурного восхождения, переоткрывания красоты.

Нельзя сказать, что невротики глупее шизофреников. Просто ориентиры разные. Ведь интеллект – объективный механизм, а сознание – индивидуальные, субъективные установки, набор программ по эксплуатации имеющегося интеллекта. Куда сознание направит свои волевые усилия, ту ниву и будет перепахивать беспристрастный интеллект. Поэтому чаще всего «люди дела», обыватели – сторонники эгалитарной невротической красоты и культуры. Их мозг «заточен» под другие проблемы, а культура служит просто фоном жизни.

2.3. Творцы и хранители культуры

2.3.1. Творчество и искусство

Хотя в основе культуры лежат различные аффекты, первым непосредственно культурным актом является некий волевой творческий порыв, знаменующий встречу субъекта-творца с чем-то его впечатлившим, с красотой или новизной. Но творческая реакция не сразу становится достоянием культуры. Не за каждым воплем «Эврика» стоит настоящее открытие, хотя каждый на протяжении жизни может совершать множество открытий для себя, переживая вспышки экстаза, вдохновения, творческого подъема. Культура же фиксирует в себе только те реакции, которые она по каким-то причинам считает полезными для выживания общества.

Первый этап на пути от спонтанного творческого импульса к факту культуры – собственно творчество. Это процесс изживания силы вызова в энергии ответа на него. Вызовом может стать внешнее давление природы или общества, внутренний конфликт, чужое творчество. А ответ – волевая реакция на эту другую волю, которую нужно подчинить, или понять, и тем «окультурить». Поэтому сакральное в традиционных представлениях приобрело персонифицированные, субъектные черты, ведь если есть воля, то должен быть и ее источник-субъект. Первобытное сознание одухотворяло весь окружающий мир, выделяя в нем «сильные» явления как божеств и духов, с которыми необходимо договариваться. И до сих пор мы можем «вступать в диалог» со слишком сильной жарой, морозом или ветром как с субъектами, хотя и осознаем, что речь идет о природных явлениях. Часто реакции на природные явления становятся первыми творческими импульсами как у мастеров, так и у неискушенных творцов.

Творческие акты проистекают из некоторой потребности нашей психики и лишь после огранки искусством могут запечатлеться в памяти культуры. Поэтому в некотором смысле прав М. Бахтин, считавший, что творчество по своему существу анонимно. Разница между искусством и творчеством в степени их интеграции с культурой. Творчество без искусства не несет на себе печати культурной памяти. Но бывает и искусство без творчества – соревнование «мастеров искусств» в улучшении передачи уже имеющихся культурных форм без их обогащения новыми смыслами. Таким образом, творчество ближе шизофреническому типу восприятия, а искусство – невротическому.

По ироническому замечанию Анатоля Франса, *«искусству угрожали два чудовища: художник, который не является мастером, и мастер, который не является художником»*. Если мастер силен в воспроизведении канонических шаблонных форм, то художник больше подвержен творческим импульсам, склонен искать новые формы. Но для запечатления этих новых форм в культуре необходимо, чтобы творчество художника поднялось на уровень мастерства или сформировало собственные каноны, которые станут новой школой мастерства. Любое искусство – мастерская по огранке творческих импульсов по определенным субъективным канонам. Каждая культура формирует свое искусство, в соответствии с ее традициями и представлениями и красотой.

В культуре все более-менее устойчиво и повторяемо. Словно духовная ДНК общества, она формируется из цепочки актов повторения/закрепления усвоенного опыта. А искусство состоит из актов единичных и неповторимых, способных вызвать мутацию культуры. Хотя искусство в значительной мере состоит из памяти об успешных ответах на вызовы, ставших образцами для подражания, оно играет роль «сцены» культуры, ее творческой лаборатории.

Если культура – знание определенных эстетических и этических норм, то искусство допускает вероятность их нарушения, поиск более совершенных форм культурного поведения.

Искусство всегда предполагает трансценденцию, экстаз – выход хотя бы на шаг за рамки устоявшихся правил. Поэтому ремесленник, строго повторяющий каноны, принадлежит культуре, а художник, создающий новые формы и каноны, принадлежит искусству. Что не отрицает возможности сочетания художника и ремесленника в одном человеке.

Искусство и литература (здесь я не буду делать между ними различия) выступают формой опережающего отражения, которая, предвосхищая вероятное будущее, дает различные варианты прогнозов развития общества, в игровой форме предлагая пережить возможные грядущие вызовы, научаясь предотвращать нежелательные варианты и выработать пути к приемлемым. Если наше бытие лишь пытается вырваться за ограничивающие рамки и границы, то в искусстве они легко устранимы.

С другой стороны, искусство всегда обращено к набору вечных вопросов бытия, пере- проверяя и утверждая определенные ценности, не заржавевшие от времени. Например, всегда остаются актуальными проблемы отношений между людьми, столкновения человека и природы, человека и общества, человека и высших сил (будь то власть, бог, внеземной разум).

2.3.2. Творческое меньшинство: шаманы и жрецы

Любой член общества должен быть «культурным человеком», знающим, «как правильно себя вести» в различных ситуациях. По этому признаку он и воспринимается как «свой». Но кроме «культурных людей» существуют и «люди культуры» – специалисты, отвечающие не только за сохранение культурного опыта, но и за его расширение и ревизию.

«Человек культуры», не зависимо от того, зафиксирован ли этот статус обществом, обладает повышенным интересом к рефлексии и творческому переосмыслению действительности. Если обыватель, «культурный человек», получив больше свободы, предпочтет растратить ее на рост благополучия, выполняя природную программу любого животного, «человек культуры» скорее направит вновь открытые ресурсы на расширение сознания – открывание или создание нового. Критический взгляд на свою культуру помогает ему переместиться в позицию, из которой она создается, то есть стать творцом. *«Великие умы имеют скептический склад»*, – писал Ницше.

У А. Тойнби эти «люди культуры» названы творческим меньшинством, призванным принимать вызовы внешнего мира, формулируя ответы на них. Каждый факт культуры рождается из творческого акта какого-то субъекта. А импульсом к этому творческому акту служит определенное впечатляющее событие внешней, или внутренней жизни субъекта – все, что вызывает гамму сложных переживаний, требующих ответа.

В эзотерическом ключе рассматривал творческое меньшинство П. Успенский, называя его «внутренним кругом человечества», свехчеловеками – хранителями знаний, в том числе и тех, которые никогда не становятся достоянием большинства. Похожий взгляд на творцов культуры представлен в книге Эдуарда Шюре «Великие посвященные». Позже подобные взгляды отразились в «Розе мира» Леонида Андреева.

Люди культуры наделены видением и веданием большего. Это позволяло предвидеть вероятные события, что в архаическом сознании выглядит как волшебство, магия, связь с незримыми сакральными силами. *«Тот не писатель, кто не прибавил к зрению человека хотя бы немного зоркости»*, – писал Константин Паустовский. От чувствительности «антенн» творческого меньшинства, воспринимающего вызовы, и успешности ответов на эти вызовы зависела жизнеспособность обществ. *«Общество деградирует, если не получает импульсов от отдельных личностей; личность деградирует, если не получает сочувствия от всего общества»*, – писал Уильям Джеймс. Такие импульсы формируют культуру, а значит, и лицо общества. Поэтому на протяжении всей истории целям выживания общества служил отбор специалистов по сохранению и перепрограммированию культуры.

Культура всегда была продуктом творчества конкретных людей, частично становясь общим достоянием, а частью оставаясь культурой «для личного пользования». Естественно, любая символическая деятельность остается социальным продуктом, даже если это «внутренняя империя» фантазий и идей. Но если культура – общественное сознание, то, как любое сознание, она имеет психоделический характер, требуя столь же избыточного языка выражения. Поэтому общества, испытывая недостаточность средств выражения своих ощущений, обращаются к помощи тех, кто видел глубже, чувствовал больше, обладал интуицией и развитым пониманием бытия.

Любое «народное творчество» включает две фазы: акт передачи высказывания творца и акт приемки обществом этого послания. У первобытных авторов не было союзников в виде бумаги, или скрижалей, способных хранить их мысли, потому традиционный творец вынужден «идти в народ», чтобы его услышали. Художник в своем выборе-вдохновении проходит испытание как творец, а общество сдает экзамен на жизнеспособность и «космичность» (способность узнавать прекрасное), выбирая своих художников из множества субъектов, проявляющих творческую активность. *«Незначительное меньшинство мыслит, остальная часть чувствует, в итоге же получается общее движение»* (Петр Чаадаев).

Качество отбора обществом творческих реакций отдельных субъектов говорит о его здоровье. Больное общество сигнализирует о своей болезни фиксацией ответов болезненных, не показывающих пути к выздоровлению, а усугубляющих страдание. Обычно вырождающиеся культуры склоняются к выбору внешней формы вместо содержательности, пышной красоты вместо скромной силы новых идей.

В исторической реальности отношение к творческому меньшинству далеко не всегда было трепетным и возвышенным. «Сверхчеловеки» могли вызывать враждебность и непонимание, представляться опасными, ведь они имели дело с иным миром, получая оттуда свои знания. У архаических народов эти люди часто представлялись «чужими среди своих», ведь свой принимает традицию как норму, а не подвергает ее переоценке [8]. Первобытный творец – не профессия, а призвание. Он ощущал потребность творить как внешнюю волю, находясь с этой невидимой силой в диалоге, что для непосвященных выглядит как набор странностей.

«Людей культуры» нужно разделить на две категории – шаманы и жрецы. На протяжении почти всей истории они существуют под различными именами, исполняя разные социальные роли. Первым появился шаман, от которого в процессе усложнения общества отделилась фигура жреца.

Представлять шамана как чувака с бубном, в дурацкой шапке с рогами, это примерно то же, что видеть русского обязательно в лаптях и с медведем, а украинца в шароварах и в вышиванке. Конечно, эти мемы не беспочвенны, выступая кратчайшим путем к восприятию обозначаемых явлений. Но если мы хотим не упрощать (мемизировать), а видеть явления в их сложности, придется отказаться от краткого пути, езды по ровной трассе, проложенной культурой для тех, кто хочет сэкономить на рефлексии и анализе фактов.

Шаман отличается от жреца потребностью и способностью творить, создавать новое в русле единого духовного потока традиции, но *«не смотря на общую основу мировоззрения, каждый шаман вносит в это мировоззрение свое индивидуальное толкование, он по-своему объясняет причины различных явлений природы... люди, не получившие шаманского дара, живут теми воззрениями, которые передаются им от предков, шаманы же в основном базируются на своих видениях»* [9]. *«В шамане как будто и нет ничего такого, чего нельзя было бы обнаружить у иных сакральных лиц. Однако все эти качества и свойства явлены в шамане сверх меры – его способности восприятия мира, контакты с предками и духами, жизнедеятельные потенции, владение словом и т.д.»* – отмечают исследователи южносибирского шаманизма [10].

Наиболее ярких классических шаманов можно найти в первую очередь у народов Сибири, во вторую – у индейцев обеих Америк, в третью – у множества народов южной Азии. Элементы шаманизма мы встретим и у австралийцев, отделившихся от остального человечества около 12 тысяч лет назад, и у африканцев, которые никогда не покидали материнский для человечества континент и потому мало участвовали в культурной диффузии.

Многое свидетельствует, что шаманизм в разное время был религией всех народов мира, хотя термин «религия» здесь можно использовать с натяжкой. Религия в собственном смысле слова основывается на поклонении, развитии культа, на вере, а не знании и практике. Все религии можно свести к трем основам: язычеству (культ природы), шаманизму (культ человека) и монотеизму (культ бога). Все духовное многообразие человеческого опыта – вариации на темы этих трех мистических мировоззрений, хотя любую из этих фундаментальных религиозных концепций мы нигде не найдем в чистом виде. В любом язычестве имеются персонажи, подобные шаманам, в шаманизме присутствует поклонение силам природы, а в монотеизме всегда есть следы культа природы и человека. Многие черты облика шамана проявлены в Иисусе Христе, в пророке Мухаммеде, в скандинавском боге Одине, множестве других персонажей мифов и эпоса разных народов.

Нужно также учитывать, что религиозный опыт шамана – явление более сложное и богатое, чем условный шаманизм его одноплеменника. Для шамана его шаманизм – практика, а для его соплеменника, «культурного человека» это уже вера, поклонение, попытка отражения чужого опыта. Поэтому для шамана шаманизм – не религия, а для его соплеменников – религия. Насколько они могут совпадать? Думаю, не более чем роман для автора и для его читателей.

Классический шаман в своем ритуальном облике обычно пытался предстать как «космический человек», соединяющий в себе все уровни мироздания. Вероятно, отсюда берет начало представление о человеке как микрокосме. Распространенным первобытным образом бытия выступало «мировое дерево», пронизывающее прошлое, настоящее и будущее, объединяющая чувственное и мыслимое, подсознательное и сверхсознательное. Костюм шамана часто повторял детали такого дерева, выступая своеобразной «картой мироздания». Шаманы могли путешествовать в своих ритуалах-камланиях как в верхний, так и в нижний мир, принося оттуда ценные знания для мира среднего – своего общества. Аналогичным образом можно описать и деятельность ученых, художников, писателей. Все они что-то приносят человечеству, а их путешествия направлены либо вглубь себя – к мышлению или бессознательному, либо на постижение внешнего мира – к «кладовым культуры», к тайнам материи и жизни. В этих разнонаправленных путешествиях своей мысли они пытаются находить ответы на вопросы, стоящие перед собственным сознанием и обществом.

В широком смысле шаманы – достаточно независимые от суда общества мудрецы, которые в разных культурных и исторических условиях проявляют свой дар достаточно сходно. Все эти персонажи характеризуются сакральной внесистемностью, которая делает их носителями высшего человеческого (воспринимаемого как сверхчеловеческое, божественное) знания. Таковы индийские йоги, продолжающие традицию ведических риши, мудрецы в даосизме, жившие подаяниями, странствуя по селениям, исламские дервиши, русские юродивые – «блаженные Христа ради», сочетавшие сакральное безумие с божественным провидением.

В более сложно организованных обществах на смену шаманам приходят жрецы. Если шаман выступал символом универсума, человеком-храмом, то жрец – лишь элемент сложной бюрократической системы, какой-то религиозной организации, церкви. Позже появляются «жрецы науки», «жрецы закона». Все они только слуги своего культа, утратившие «космичность» шамана, занятые той частью забот мира, которые доверила им система. Если авторитет шамана строится на общественном признании, опирающемся на веру в его природный дар

и волю, то место и роль жреца в обществе определяется иерархией и стажем покорения карьерных ступенек. В этом шаман больше похож на современного музыканта, писателя, художника, добивающихся признания собственным трудом и талантом.

Власть жреца – это сила болта в сложной машине. Сломавшийся болт легко заменить. Личность же уникальна и незаменима. А еще личность ценит свободу, как питательную среду для всестороннего развития. Ведь универсум имеет много сторон. Живое космическое дерево нельзя распилить на дрова, или пустить на мебель. Тогда оно теряет и жизнь, и универсальность, сводясь к единственной утилитарной функции. Так и с машиной, и с болтиком в ней. Машина «заточена» под конкретные задачи, она не терпит свободы. Еще меньше свободы у болта. Если болт нарушает правила машины, он негоден для службы, его вышвыривают.

Жрецы никогда не равны богам. Они только священнослужители, выспрашивающие милости у небес. Обычно специализация у жреца узкая: организовывать ритуалы, приносить жертвы, возносить молитвы, принимать послания богов. Шаман же – «и швец, и жнец, и на дуде игрец» в сфере сакрального. Свободный, частнопрактикующий жрец невозможен, хотя люди с психологией жрецов могут оказаться «не у дел», становясь несистемными служителями своей культуры, сидящими «на скамейке запасных» (что-то вроде оппозиции, которая может стать властью). Шамана же не интересует земное, человеческое покровительство. Это предприниматель, действующий на свой страх и риск. Он общается с духами на равных, как партнер, а то и повелевает некоторыми из них. В деятельности шамана много игры, импровизации, он имеет дело с живой реальностью сакрального. А жрец опутан канонами и уставами заостеневшей религиозной системы, в которой боги уже скорее мертвы, чем живы.

Здесь уместно вспомнить шпенглеровское противопоставление культуры и цивилизации. По Шпенглеру, культура порождает цивилизацию, а та убивает культуру. Тогда же на место шаманов приходят жрецы. Но шаманы не исчезают совсем, уходя в оппозицию, становятся внесистемными духовными лидерами – знахарями, отшельниками, сказителями, художниками, интеллигентами, то есть свободными творцами и распространителями альтернативных взглядов. Не случайно почти все народно-освободительные движения апеллировали к первозданному состоянию общества, а не к неизвестному умозрительному будущему. Свобода представлялась как восстановление состояния «золотого века», который был разрушен порядком, символизируемым цивилизацией, государством и их жрецами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.